

Александр Аннин

Кольт системы Макарова

Если ты вплавь удираешь от крокодила, важно плыть не быстрее крокодила, а быстрее того человека, который плывет с тобой рядом.

Народная мудрость

Пролог

19 ноября 1990 года. Московский уголовный розыск.

«Совершенно секретно

Начальнику Московского уголовного розыска
ГУВД г. Москвы генерал-майору Маликову Т.В.

от начальника отдела по раскрытию особо тяжких
преступлений против личности полковника Вихрова Г.Р.

Рапорт

Настоящим довожу до Вашего сведения
нижеследующее. Начиная с августа 1990 года нашим

отделом совместно с отделом по контролю за распространением наркотических средств ГУВД г. Москвы проводились оперативные мероприятия по обнаружению и пресечению деятельности подпольных точек наркоторговли в г. Москве. В конце октября с. г. в результате ряда оперативно-следственных действий (в том числе — «операции внедрения», личность агента засекречена отделом по борьбе с наркотиками) нами была установлена квартира 17 по улице Мочалова, 31, где, предположительно, располагался притон для продажи и употребления психотропных препаратов, поступавших в РФ по каналу через Албанию. После трехнедельного плотного наблюдения за «точкой» было установлено, что дилеры наркомафии, проживающие в данной квартире, имеют отношение к серии убийств среди конкурентов и покупателей порошка. 18 ноября с. г. (вчера) мною было принято решение о задержании подозреваемых с возможностью применения табельного оружия.

Сегодня в 9.00 утра оперативные сотрудники вверенного мне отдела капитан Зуров О.Ю. и старший лейтенант Бритвин П.И. совместно с бойцами спецподразделения СОБР штурмом проникли в помещение квартиры 17 по улице Мочалова, 31. По предварительным данным, в квартире находилось 6 человек обоего пола. Подозреваемые открыли огонь по сотрудникам правопорядка на поражение, в результате чего был ранен в грудь старший лейтенант Бритвин П.И., не надевший бронежилета (в нарушение инструкции 2058/11). В результате ответного огня на

поражение трое подозреваемых были ликвидированы, двое ранены и задержаны.

Шестой подозреваемый забаррикадировался в жилой комнате и продолжал вести огонь из огнестрельного оружия сквозь деревянную дверь. После подрыва двери специальным взрывным устройством в комнату была брошена дымовая шашка, что затрудняло видимость как преступнику, так и сотрудникам правопорядка. Первым ворвался в комнату капитан Зуров О.Ю., напарник старшего лейтенанта Бритвина П.И. Как отметил в своем рапорте Зуров О.Ю. (рапорт прилагается), в тот момент он считал своего напарника Бритвина П.И. убитым.

Ворвавшись в комнату, откуда преступник продолжал вести беспорядочный огонь (дважды попал в бронежилет Зурова О.Ю.), капитан Зуров О.Ю. несколькими выстрелами из табельного пистолета Макарова ликвидировал преступника (количество произведенных капитаном Зуровым выстрелов уточняется).

Личность убитого капитаном Зуровым преступника установлена. Им оказалась житель г. Москвы Двинская Валентина Васильевна, 26 лет. Согласно предварительным показаниям двух легкораненых и задержанных нами наркоторговцев, Двинская долгое время была их постоянным клиентом (покупала кокаин). Утром 19 ноября она пришла на означенную квартиру с целью приобрести кокаин для снятия ломки. В наркомафии не состояла. На момент штурма квартиры сотрудниками правопорядка

пребывала в одурманенном состоянии. Пистолет ТТ, обнаруженный у мертвой Двинской В.В., ей не принадлежал. По нашим предположениям, а также согласно показаниям задержанных, она, очевидно, случайно обнаружила пистолет в комнате, где перед этим вводила себе инъекцию кокаина, полученного наркодельцами из Албании.

Довожу до Вашего сведения, что убитая Двинская В.В. в течение трех с половиной лет являлась супругой старшего оперуполномоченного капитана Зурова О.Ю. В последние полтора года совместно не проживали. Официально разведены 20 марта 1989 г.».

21 декабря 1990 года. Московский уголовный розыск

«Большому начальнику великого убойного отдела, именуемого также отделом по расследованию особо тяжких преступлений, полковнику Вихрову Г.Р. от старшего оперуполномоченного и пока еще капитана Зурова О.Ю.

Заявление

Григорий свет Романыч! Сегодня, хорошенько опохмелившись водкой «Русская» в количестве трехсот грамм, я вышел из отпуска. А точнее — вынужденного

отпуска по причине запоя, а также по причине временного отстранения от несения службы из-за долбаного внутреннего расследования, проводимого мерзейшей службой собственной безопасности в отношении меня, Зурова О.Ю., в связи с событиями, произошедшими 19 ноября с. г. на квартире 17 по улице Мочалова, 31. Как Вам известно, итогом этих событий стала гибель (от моей собственной руки) моей первой жены Валентины. Валеньки. Теперь-то я обзавелся новой женой, тоже юной красоткой, но уже по имени Тоня. А Валюшку все равно жалко. Очень жалко.

Внутреннее расследование завершено. Как Вы знаете, в мою пользу. Запой также практически выдохся.

Так вот.

Прошу отстранить меня от работы на неопределенный срок или вообще уволить на хрен по собственному желанию в связи с трагическими семейными обстоятельствами.

Засим остаюсь искренне твой Зуров Олег Юрьевич. Пошел похмеляться дальше. Это дело тонкое и не одного дня. Если есть желание — присоединяйся, дружище».

Март 1991 г. Московский уголовный розыск

Вот интересно, что же все-таки предпочтительней? Когда обе ноги ампутированы или когда они парализованы? А? «Это вопрос ментальный».

С одной стороны, человек с отрезанными ногами может освоить протезы и вернуться к более-менее активному образу жизни (ну, хотя бы по части перемещения в пространстве). Однако... «свои» ноженьки у него уже никогда не отрастут.

А индивид с парализованными ногами, прикованный к креслу-каталке, лелеет надежду на чудо или какие-нибудь новшества в медицине, или на некий стресс, который позволит ему вновь встать на собственные конечности, а не на протезы.

Извечная дилемма о синице и журавле...

Впрочем, подавляющее большинство народонаселения таким мучительным выбором не задается. А вот оперуполномоченный Московского уголовного розыска, капитан милиции Олег Зуров сподобился. К тридцати-то годам.

Он вновь перечитывал факс, пришедший на его имя из Женева, и морщился, прикидывал варианты: резать по живому или все-таки обождать, понадеяться на то, что все само собой рассосется, — надежда, прямо сказать, вовсе даже не такая глупая, как порой представляется.

Факс пришел от Антонины, теперешней Олеговой женоушки — юного создания, студентки пятого курса Московского археологического института. С месяц назад, еще будучи в Первопрестольной, под кровом их гнездышка в Чертанове, Тоня этак сбивчиво, нескладно, глядя то

поверх Олега, то куда-то в сторону, — поведала, что ее, как лучшую студентку, поощрили участием в международной археологической экспедиции на территории Швейцарии. Ну, якобы появились сведения о местонахождении в тех краях древней стоянки нибелунгов. Как говорится, не хухры-мухры. Особенно для нелегкого периода заката социализма.

Олег, разумеется, выразил бурную радость, хотя гаденькие подозрения уже тогда проклюнулись в его сердце... Ну никогда его женушка примерной студенткой не была, и уж если награждать ее такой фантастической преддипломной практикой, то разве что за исключительную внешность, а не то и сексапильность (новомодное словцо в обиходе «продвинутых» граждан доживающего свой век СССР).

И теперь Антонина при помощи факсимильной связи сообщала Зурову горькую, давно, по правде говоря, ожидаемую правду: она уходит от него к другому. Нет, не к швейцарцу вовсе, а к молодому российскому дипломату, получившему назначение в женевское консульство. От Олега требовалось прислать ей факс с его согласием на развод, а уж дальше они с новым женихом (мужем?) решат все вопросы в Швейцарии. Мол, у них там с этим проще простого.

Что-то никак не везет ему, Олегу Зурову, по части семейной жизни... Уж второй раз как не везет.

Сначала — Валентина, этакая принцесса на горошине из элитарной семьи... Женился по любви, вспыхнувшей в его легковоспламеняющемся сердце. Но, как водится, вскорости выяснилось, что одними лишь бурными объятиями сыт не будешь. Олег-то рассчитывал, что, коль скоро его юная женушка Валечка работать идти не желает, так хотя бы он сможет каждый день по праву пожирать горячий ужин — как минимум из трех блюд...

Куда там! Жена довольствовалась тем, что покупала готовую еду в недешевой кулинарии и разогревала ее на сковороде (супов при этом, само собой, не наблюдалось). А чем же, скажите на милость, питалась сама Валентина? Извольте: орешками кешью, зефиром в шоколаде, свежими листьями салата...

Зарплаты Олега хватало максимум на десять дней.

Дома начались неприятные сцены, зачинателем которых, следует признать, был раздосадованный Олег. Усталый и голодный, вваливался он ближе к полуночи в свою квартиру, где заставал жену сидящей возле телевизора. Она даже не слышала, как он входил домой! Раздуваясь от обиды, Зуров шлепал в круглосуточный магазин,

приносил «нормальную» еду и принимался готовить горячее.

И только тут в дверном проеме кухни возникала радостная жена, пыталась обнять Олега. Его прорывало:

— Зачем ты вообще нужна, если даже суп сварить не можешь? Почему я работаю как проклятый, а потом еще и жрать готовлю, посуду мою, пол подметаю!

Губы Валентины кривились от страдания и удивления, на глазах выступали слезы. Олег безжалостно продолжал добивать ее, аргументированно обосновывая полную Валентину никчемность...

А однажды он почуял запах недешевого алкоголя, исходившего из нежных уст любимой. Взрыв его негодования был подобен ядерному «грибу» над Хиросимой.

— Во-о-он! — орал он иступленно. — Завтра же, как проспишься — вон! К родителям своим, к небожителям!

Валентина, которая, надо сказать, была совсем не пьяна, а только слегка навеселе, хватала его за руки, умоляла простить.

— Олежек, миленький, я выпила чуть-чуть, от страха...

— Вот как? И чего же ты испугалась? — ревел Олег.

— Что ты меня скоро бросишь. Я такая неумеха, ни на что не гожусь! Но я не виновата, меня никто ничему не учил. Клянусь тебе, я научусь готовить, и даже поваренную книгу купила! Только не прогоняй меня! Я так боюсь тебя потерять!

— Считай, что уже потеряла! — орал Зуров; он себя на тот момент не контролировал.

Потом, когда они расстались окончательно, Олег краем уха слышал, что Валентина вроде бы связалась с какой-то богемной компашкой, ее видели подшофе на светских тусовках. «Ну и черт с тобой», — давил Олег в своем сердце остатки былой любви.

А вскоре, летом 89-го, появилась Антонина — и, как назло, словно некая издевка судьбы — тоже из семьи высокопоставленного чиновника.

«Крест, видать, у тебя, брат, такой, — размышлял Зуров. — И никуда ты от судьбы не денешься, так тебе на роду написано — быть в мужьях у избалованных девиц».

После того, как 18 ноября 1990-го Зуров по воле злого рока собственноручно убил Валентину, он бродил по квартире и бормотал: «Все это слишком серьезно... Это слишком серьезно для того, чтобы быть случайным. Нет, это не случайно. Это судьба. Это кара господня! За твою гордыню, за поруганную тобой любовь, за нежелание терпеть

и смиряться...»

Он ходил взад-вперед вдоль шеренги бутылок и не обращал никакого внимания на свою новую жену, Тоню, которая в страхе съежилась на кровати, глядя, как он наливает себе стакан за стаканом. А потом, во время долгого запоя, Зуров даже не осознал, что Антонины больше нет в его квартире — она по-тихому смылась к родителям, растворилась, бросив его на съедение зеленому змию.

Она боялась, что Зуров по пьяни пристрелит и ее, как Валентину! Тоже случайно, по ошибке, но на этот раз — в приступе белой горячки.

Только через несколько месяцев, когда Тоня все-таки вернется к нему ненадолго, Олег вдруг осознает, что их прежних отношений — доверительных, товарищеских, даже каких-то ребяческих — больше нет и в помине. Что на смену им пришли настороженность, подозрительность, враждебность.

Вот и думал сейчас, теребя в руках факс, пришедший из Женевы, Олег Зуров — образно думал, разумеется: ампутировать ли ему часть себя или все-таки переждать в кресле-каталке? Отсечь больную свою половинку или помучиться еще? Разводиться или все-таки сохранить формальный брачный союз, пусть и на таком удалении? А ну как со временем одумается его Тонечка, вернется к

нему. Всамаделишная, законная жена, а не протез какой-нибудь новоявленный. Он готов простить ей измену, ее фортель — готов сам просить прощения, как когда-то умоляла его простить ее покойная Валентина.

А может, тебе лучше все-таки остаться волком-одиночкой? — рассуждал Олег. Может, это знак тебе, сигнал свыше — мол, не годишься ты для семейной жизни, только судьбы женские гробишь?

И, обидевшись на весь белый свет, Зуров отправил в Женеву факс на английском языке: мол, даю согласие на развод. Число, подпись — все как положено, чин чинарем.

* * *

Недаром прозвище у Олега Зурова было — «Зубр». Как буйвол через кустарник, он проламывался сквозь дебри всевозможных предписаний и запрещающих циркуляров, с бычьим упрямством топая к своей цели — аресту и «посадке» преступников. Любого ранга. В то время, в начале 91-го, задержание подозреваемого почти автоматически приводило к его последующему осуждению. И Зуров исправно поставлял прожорливой судебной системе СССР пропитание — порцию за порцией, человечка за человечком.

...Зубр в который раз перечитывал

сообщение, поступившее от коллег из областного Управления внутренних дел. Суть этой «щидулки», как называл официальные бумаги тридцатилетний майор, сводилась к следующему: в Домодедовском районе лыжник обнаружил в рощице неподалеку от магистрали трупы двух девушек с огнестрельными ранениями в голову. При них были простенькие золотые украшения, немного денег и документы. Таким образом, областные стражи порядка без труда установили, что восемнадцатилетняя Ольга Иванова и ее ровесница Юлия Дронова учились в торговом техникуме. Обе проживали в общежитии.

Казалось бы, ну и что? При чем тут, спрашивается, Московский уголовный розыск? Трупы обнаружены в области, потерпевшие проживали и работали в Домодедове. Вот пусть подмосковные менты и распутывают это гиблое дело. Так ведь, а?

Все вроде так, да не совсем. Было одно обстоятельство, и весьма существенное, которое требовало подключения столичных коллег. А именно: кое-что из содержимого сумочек погибших девушек наводило на мысль, что скромная стипендия вовсе не была основным средством существования для Ольги и Юлии. Обилие презервативов, порнографические фотографии, где в обнаженном виде были изображены сами потерпевшие (разумеется, тогда еще живые и

сексапильные), дало подмосковным следственным органам основание предположить, что погибшие девицы подрабатывали проституцией.

Именно поэтому областные пинкертонеры и поспешили свалить заведомый «висяк» на москвичей. И, между прочим, законно ссылались при этом на четкое предписание Генеральной прокуратуры. Опять же какое дело Генпрокуратуре до каких-то домодедовских и всех прочих шлюх? Мало их, что ли, стреляют, режут, душат и выбрасывают из окон?

А такое дело, что в столице за последнее время, а точнее, в течение полутора месяцев, были совершены уже четыре аналогичных убийства. Некий маньяк выстрелом в голову методично ужокошивал молоденьких девушек, которые выходили погулять для знакомства с мужчинами.

Маньяка-невидимку муровские оперативники уже окрестили Яшкой Потрошителем: на месте совершения преступлений были обнаружены окурки редких и весьма недешевых сигарет «Якоб». И еще — все четыре убитые в Москве девицы были явно азиатского (или семитского) происхождения. И маньяка Яшку, подобно его легендарному лондонскому прототипу — Джеку (то бишь Якову) Потрошителю, они, как женщины, похоже, не возбуждали. Он не вступал в связь со своими жертвами, а просто брал спиртное и отвозил

девушку в укромное место, коих в Москве пруд пруди. В результате очередная доверчивая Мэри Келли¹ оставалась лежать в кустах, а то и в мусорном баке, с простреленной головой.

Маньяк действовал согласно некоему «расписанию»: все убийства совершал по воскресеньям, раз в две недели. И, как только наступал очередной «урочный час», к Зурову лучше было не приближаться. Ни-ни! Упаси вас Христос... Капитан ждал сводки происшествий, нервно расхаживая по кабинету и теребя то губу, то орлиный свой нос. Кто-то из сослуживцев, заглянув к нему в такой вот момент, имел неосторожность пошутить: «Что, Зубрище, волнуешься перед свиданием с очередной Мэри Келли?» Олег так заорал на весельчака, что у того приключилась диарея. А из дежурки уже звонили — обнаружен

---

¹ Мэри Келли — одна из пяти «канонических» жертв маньяка-убийцы по прозвищу Джек Потрошитель (так и не был найден), совершавшего свои ритуальные зверства в еврейском квартале Лондона — Уайтчепле — в 1888 году. Мэри Келли — наиболее «раскрученная» в литературе и кинематографе жертва Потрошителя, поскольку была самой молодой и привлекательной среди всех убитых им дешевых проституток семитского происхождения. В 2014 г. благодаря генетической экспертизе была установлена личность, им был Аарон Косминский, парикмахер по профессии.

труп черноволосой девушки с пулевым ранением в голову...

Зуров так и не уволился — в конце года начальник отдела сказал ему:

— И куда ты денешься, а? Давай, брат, бери отпуск, съезди куда-нибудь... И — продолжай жить! А мы тебе... Гм... Ты только чего-нибудь не подумай, это не в качестве компенсации за твою Валю... В общем, майором будешь.

И Зуров продолжал жить... Уже в звании майора.

Но с чего это вдруг полковник Вихров заговорил о какой-то там компенсации, а? Да с того, что... Как выяснилось, внештатным «агентом внедрения» в среду наркоторговцев была не кто иная, как убитая Зуровым Двинская Валентина Васильевна. Его собственная бывшая жена. Но, как у нас издавна повелось, левая рука почти никогда не ведает о том, что делает правая. И в отделе по борьбе с распространением и сбытом наркотиков не сочли нужным уведомить коллег из убийственного отдела, что, в момент проведения спецоперации, в квартире по улице Мочалова вполне может находиться их внештатный сотрудник Двинская. Чтоб, дескать, опера и омоновцы были начеку и в случае пальбы ненароком не зацепили самоотверженного агента Валентину. Которая принесла себя в жертву — специально «села на

иглу», дабы изобличить и ликвидировать притон наркомафии.

Когда Зурову спустя какое-то время наконец-то рассказали обо всем этом, скорбь его возросла безмерно...

При совершении убийств Яшка использовал один и тот же, как показала экспертиза, пистолет Макарова. Олег Зуров, считавшийся, несмотря на молодой еще возраст, чуть ли не лучшим муровским аналитиком, пришел к определенным выводам. Скорее всего, серийный убийца — психически больной офицер, остающийся на службе либо вышедший в отставку. Похоже, новоявленный Потрошитель когда-то воевал в Афганистане, где, как известно, многие местные женщины сражались против советских войск наравне с мужчинами. Могло случиться, что афганка в свое время заманила в смертельную ловушку фронтового друга Яшки, и теперь он мстит за погибшего товарища. А за неимением в Москве афганских девиц убивает тех, кто под рукой, лишь бы они хотя бы внешне напоминали ту роковую Кумо².

---

² Кумо — в древней мифологии некоторых азиатских стран — паучиха-оборотень, которая в женском облике заманивала мужчин в ловушку и затем пожирала их.

И второе. То, что убийства совершались с одинаковым промежутком во времени и именно по выходным, могло означать, что маньяк по каким-то причинам не имел возможности выходить на свою охоту в другие дни. Связано ли это с особенностями его работы? Возможно...

Короче, в целом... Ну, в целом информации, казалось бы, скопилось достаточно, чтобы в короткий срок вычислить Потрошителя. Уже были разосланы запросы во все необходимые инстанции, а главное — в военное ведомство. И вдруг — на тебе: двойное убийство девиц легкого поведения в Подмоскovie. Экспертиза установила, что застрелены они были на этот раз не в воскресенье, а в субботу. Яшка изменил «расписание» и географию? Или что-то резко поменялось в его жизненных обстоятельствах?

И еще одна неувязочка. Из двух девушек, обнаруженных в подмосковном лесу, только одна смахивала на азиатку, вторая имела типично русскую внешность. Странный маньяк... Разве что... ммм... блондинка была устранена «за компанию»? Как ненужная свидетельница?

Во всяком случае, Зурову предстояло смотаться в Домодедово и разобраться на месте, что

к чему. Многое, конечно, будет зависеть от результатов баллистической экспертизы. Идентично ли оружие, использованное в Москве и в области? Подмосковные эксперты, похоже, никуда не спешили, хотя давно уж пора бы представить результаты обследования пуль в убойный отдел МУРа. Не торопились областники и передать москвичам сами пули, сразившие наповал юных путан...

А Зурову надо было спешить: приближался очередной урочный час, и важнее всего — предотвратить следующее убийство! Олег плюнул на свои безуспешные попытки поскорее заполучить результаты экспертизы пуль, послал всех к чертям свинячьим и выехал в Домодедово. В последний момент за ним увязался следователь столичной прокуратуры Захар Петриков... Ну да ладно, нехай себе прокатится, лишь бы не мешал.

А между тем... Дело взяла под свой контроль Генпрокуратура СССР: так распорядился генеральный прокурор, получивший личное указание от совсем уж Генерального.

**Спустя десять дней
Домодедовский район
Секретный НИИ Министерства обороны СССР**

Солнце светило почти по-летнему, но было

зябко, ветрено. Под ногами противно хрустела острая корка льда. Четыре оранжевых теннисных корта, обнесенных высоченным ограждением из «рабицы», пустовали с осени, но в последние дни в этом безмолвии таилось некое... напряжение, что ли.

Конечно, и в мороз хорошо выйти на расчищенный от снега корт, постучать по мячику, однако персоналу НИИ было категорически запрещено подвергать себя опасности простудных заболеваний, каковые могли сказаться на общей производительности труда коллектива.

Но не сегодня, так завтра к тридцатипятилетнему завхозу Рубену Товмасыну потянутся моложавые и просто молодые сотрудники института с требованием выдать натяжные сетки. А те, кто поприжимистей, станут выцыганивать казенные теннисные ракетки с наборами мячей. Сонная тишина кортов сменится звоном «рабицы», смачными шлепками подач, яростными спорами — попал мяч в линию или в аут... Все это начнется со дня на день — разумеется, если погода не выкинет очередной фортель и показания термометра на электронном институтском табло не поползут вниз.

В этот полуденный час к пустынным кортам неспешно приближались две невзрачные фигуры в серых импортных пуховиках и вязаных шерстяных

шапочках, прозванных в народе «пидорками». Тот, что пониже, — Альберт Васильевич Каминский, сорокапятилетний заместитель директора по режиму и оргвопросам — шумно высморкался на газон.

— Пришел марток, надевай трое порток, как говорила моя покойная бабушка, — проворчал он шутливо. — А ведь сейчас около нуля, верно, Витя? И почему это я в январский мороз могу без шапки ходить, а в марте непременно простужаюсь? Как ни кутайся...

Каминский поднял шарф и упрятал в него свое широкое, рыхлое лицо чуть ли не до самых глаз.

— Я факс получил, — спокойно, с расстановкой произнес директор НИИ профессор Виктор Семенович Мартемьянов, поджарый аскет лет шестидесяти со шкиперской бородкой и бесцветными глазами. — От Конторы. Завтра приезжает комиссия с проверкой.

— Что-то они зачастили... Никак понравилось им у нас? — Каминский невесело усмехнулся.

— Могут возникнуть проблемы, Алик...

— Состав комиссии тот же, что и в прошлые разы? — деловито осведомился Каминский, доставая пачку сигарет.

— Да вроде бы... — неопределенно ответил Мартемьянов.

— Тогда какие проблемы, Витя? Эти престарелые олухи царя небесного, они же ни бельмеса не понимают. Прорвемся, не первый раз, в конце концов!

— Слушай, Алик, по-моему, это ты ни бельмеса не понимаешь! — сквозь прищур посмотрел на него Мартемьянов. — Завтра здесь будет генералитет, а тут крутится этот следователь из московской прокуратуры. Но это еще полбеды. Он у меня особого беспокойства не вызывает. А вот муровский оперативник Зуров просто достал меня до самых печенок. Сегодня опять заходил «побеседовать».

— Роет землю, стало быть... — задумчиво пробормотал Альберт Васильевич. — Меня он пытал чуть не полтора часа. Слушай, как они ухитрились получить допуск на территорию нашего НИИ? Почему Язов подписал? Что вообще происходит? Может, там, — он ткнул пальцем в небо, — специально нас подводят под монастырь?

— Просто времена изменились, Алик, — вздохнул Мартемьянов. — Я звонил в Контору, Самому... Обрисовал ему ситуацию... Думал, он вмешается. Куда там! Говорит, ничего он с прокуратурой поделать не может. Не его епархия, видишь ли! Раньше весь мир был епархией КГБ, а теперь своих защитить не могут...

Они уже стояли посреди корта, жмурясь на

белесом слепящем солнце. Для частных разговоров Мартемьянов всякий раз приглашал Каминского «прогуляться» — береженого бог бережет. И место прогулки то и дело варьировалось, благо территория института измерялась многими десятками гектаров. Уютный парк с прудом, просторная автостоянка, спорткомплекс, поликлиника (филиал минобороновской, между прочим), роскошный клуб с кинозалом, небольшая, но современная гостиница и уютный малоэтажный жилой поселок для сотрудников — все это хозяйство широко раскинулось вокруг стандартных научно-производственных корпусов.

Лучшие радиоэлектронщики постоянно проверяли кабинет Мартемьянова на предмет наличия подслушивающих и передающих устройств и неизменно докладывали профессору, что, мол, все чисто. Но Виктор Семенович не позволял себе расслабиться: как-никак, сам лет тридцать имел дело с КГБ, еще при Семичастном³ начал сотрудничать с Конторой, и уж ему-то было

---

³ Семичастный В.Е. — председатель КГБ СССР с 1961 по 1967 гг. Друг Н.С. Хрущева, предавший его и ставший одним из главных участников октябрьского переворота 1964 г., в результате которого к власти в стране пришел Л.И. Брежнев.

бы глупо недооценивать тамошних спецов-технарей. Аббревиатуру КГБ Мартемьянов привык расшифровывать так: «Каземат гениев и бездарей». Бездарей было много, но были и гении, это уж точно. Например, хотя бы он сам, профессор Мартемьянов.

Вот и перед сегодняшней «прогулкой» директор (с замом) посетил комнату тестирования. Ее по утрам и вечерам проходили все две с половиной сотни работников института. Здесь, в этой хитрой комнатке, чуткая аппаратура выявляла возможное наличие в теле, одежде, портфелях и дамских сумочках сотрудников каких-либо передающих или записывающих устройств. Антенна могла быть вшита в ткань в виде нитки, передатчик вмонтирован в зуб как обычная пломба, ну и так далее. Пока никаких сюрпризов не обнаруживалось. И все-таки...

В ученом мире практически никто не имел понятия, каким таким образом Виктор Семенович еще при Брежневе получил докторскую степень и звание профессора, не достигнув даже пятидесяти лет. Что по тем временам считалось среди корифеев науки едва ли не юношеским возрастом. Но многие, конечно, догадывались, на кого он пашет и какого рода научные разработки числятся за Виктором

Семеновичем. И за глаза, в кулуарных промывках косточек, именовали Мартемьянова не иначе как «профессором Мориарти»... А что? Он ведь тоже, подобно зловещему персонажу Конан Дойла, — хоть и всегда в тени, однако держит в своих руках весьма существенные ниточки тайной паутины всей системы управления государством и обществом...

И, естественно, возглавляемое им ныне учреждение имело весьма условное отношение к министерству обороны, хотя и ставило своей задачей достижение военного превосходства над противником.

А начинал свою стремительную карьеру будущий Мартемьянов в преддверии московской Олимпиады-80. И был он тогда скромным кандидатом биологических наук в столь же скромном ранге старшего научного сотрудника подмосковного Всесоюзного института лекарственных растений (ВИЛР). К тому времени мировое сообщество уже молчаливо признало, что в спорте высоких достижений ну никак невозможно обойтись без стимуляторов, способных помочь атлету сконцентрироваться и в нужный момент раскрыться наиболее полно. Проще говоря — перед учеными встала задача разработать безвредный допинг для олимпийцев. Ну, если не получится совсем уж безвредный, то хотя бы не очень-то сильно калечащий организм спортсмена. И,

разумеется, такой стимулятор не должен фиксироваться никакими средствами допинг-контроля.

В СССР эта цель была поставлена перед коллективом ВИЛР. Вот тут-то на авансцену и выполз из своего закутка никому не ведомый младший научный сотрудник института Мартемьянов — невзрачный долговязый очкарик с характерной для сей породы людей сутулостью и мучнистым цветом лица. И с чего бы это он выполз-то на свет божий, скажите на милость? А с того...

Поступил Виктор Семенович очень даже умно для своего (и не только своего) времени: обратился с официальным письмом не в дирекцию института, а напрямик в КГБ СССР, с которым поддерживал контакт уже много лет.

«Мною разработан сверхдопинг, который: а) не обнаруживается и никогда не будет обнаруживаться никакими средствами допинг-контроля; б) ни в малейшей степени не влияет на состояние психического и физического здоровья спортсмена; в) для своего производства не нуждается в создании научно-технической базы и имеет себестоимость, равную нулю рублей ноль-ноль копеек».

В КГБ, по идее, должны были бы поинтересоваться состоянием психического

здоровья самого автора «открытия», но в тогдашнем Комитете было немало людей, готовых поверить в любое чудо, лишь бы оно сулило скорейшее построение коммунизма (что само по себе уже являлось бы очевидным и невероятным чудом). К этим-то «пассажирам» и попало письмо Виктора Семеновича. И они, эти самые «пассажиры», отнеслись к сообщению Мартемьянова на полном серьезе. Что за допинг такой, что за стимулятор?

Да очень простой стимулятор.

Виктор Семенович не боялся, что высшие чины КГБ присвоят себе его открытие — не таков был менталитет у советских службистов — и потому с готовностью изложил перед ними суть своего открытия. И так, как уже было сказано, все просто — аж до изумления.

Спортсмен на тренировке доводит себя до высшей точки напряжения, пика формы, и в этот момент у него шприцем откачивают немного крови. И консервируют ее (к примеру, замораживают). А прямо перед ответственным выступлением нужно лишь разморозить эту кровь и ввести ее в вену атлета. И всё! И не надо никаких стимулирующих препаратов! Собственная кровушка, своевременно взятая и своевременно же возвращенная организму, действует многократно сильнее любого известного допинга. Разумеется, никаких запрещенных

веществ она не содержит...

А что же такое чудодейственное она содержит?

— Гормон победы, — веско отчеканил Виктор Семенович, стремительно входивший в роль мегазвезды, вернее — ее высшей стадии развития, а именно — гигантской черной дыры. Черной дыры советской «теневой» науки.

И представил новоявленный гений мудреные выкладки, заковыристые формулы, витиеватые графики, подтверждающие его теорию. Якобы подтверждающие...

Как бы то ни было, но в эпоху противостояния Союза и Запада — по причине ввода советских войск в Афганистан — власть предрежащие в СССР не могли не ухватиться за предложенную Мартемьяновым возможность безо всяких подтасовок выиграть домашнюю Олимпиаду в командном медальном зачете. Сгоряча Виктора Семеновича тут же назначили директором ВИЛР... Он бесцеремонно явился в кабинет ошарашенного седовласого академика, дважды Героя Соцтруда, долгие годы возглавлявшего уникальный научный институт, явился приосанившийся, с пышной, тщательно зачесанной шевелюрой... Развязно швырнул портфель на директорский стол, прямо под нос заслуженного ученого.

— Пшел вон, — тихо, но очень убедительно

молвил Мартемьянов.

И старик-академик пошел...

Разумеется, какой-то там ничтожный кандидатишка наук не может возглавлять полусекретный НИИ, ну по определению не может. Стало быть, надо срочно присваивать Виктору Семеновичу докторскую степень. И присвоили-таки, причем без лишних церемоний. Применили универсальную формулировку — «за особые заслуги перед советской наукой, выразившиеся в важных открытиях в области физиологии человека».

История умалчивает, скольким олимпийцам в команде СССР вводили их собственную законсервированную кровь. Равно как доподлинно неизвестно, каким образом сия процедура совершалась — с ведома спортсмена или же без него. Но когда советские атлеты завоевали 80 золотых наград (а всего они получили 195 медалей разного достоинства, чуть не вдвое опередив команду ГДР, занявшую вторую строчку в общекомандном медальном зачете), так вот, после такого небывалого триумфа позиции Мартемьянова стали непотопляемы, а его авторитет — непререкаемым в научном мире. Он в одночасье стал номинальным, то есть — без кафедры, профессором биологического факультета МГУ (согласно его собственному выбору), негласно был

возведен в чин генерала КГБ, получил огромную трехкомнатную квартиру в сталинской высотке на Бульварном кольце...

Был в тот период один тревожный звоночек, едва не предвозвестивший крах «профессора Мориарти». Видный британский физиолог Линдли выступил в печати со статьей: «Кровавый допинг: научная сенсация или обычное надувательство?» Автор безбожно раздраковывал советского коллегу. «Все это — чистейшей воды шарлатанство, подобно недавним эскападам «народного академика» Лысенко, — заявил в своей публикации англичанин. — Никакого гормона победы я, при самом дотошном исследовании, в крови спортсменов не обнаружил. Успех советской команды на Олимпиаде в Москве был предопределен чрезвычайно высоким уровнем подготовки и талантливостью русских атлетов. Никакого «кровавого допинга» в природе не существует, это миф, умело подброшенный в нужный момент авантюристом, шарлатаном и аферистом от науки».

Дрогнул Виктор Семенович, с трепетом ждал он ночного звонка в дверь и отрывистого приказа «Собирайтесь!». Но... То было самое подходящее время для чурбановых и буряце⁴, для разномастных

---

⁴ Юрий Чурбанов — муж Галины Брежневой, Борис

проектантов поворота сибирских рек «на юга», застрельщиков никому не нужных ударных строек... Рисковые (мягко выражаясь) люди получали звезды героев и высокие звания, государственные премии и фантастические должности... А пройдет еще годик-другой-третий — и засияют счастливые «звездочки» чумаков и кашпировских, олегов калугиных и матиасов рустов... Ах, восьмидесятые! Ах, недооцененная потомками эпоха великих авантюр!

В коллективном письме АН СССР, обращенном к мировой научной общественности, заявлялось, что статья пресловутого британца — не что иное, как очередная попытка ошельмовать передовую советскую науку, гнусная клевета, беспомощное злопыхательство на фоне бесспорных достижений биологов из СССР...

Виктор Семенович превращался в серьезную политическую фигуру.

«Кровавым допингом» жадно заинтересовались оборонные тузы. Для них ключевым словом в названии будто бы открытого гормона было, конечно же, слово «победа». И если советским спортсменам чудо-стимулятор принес

олимпийские медали, то не подарит ли открытие гениального биолога-физиолога Мартемьянова ордена и медали на грудь, а также — самые крупные звезды на плечи представителям советского генералитета? Ведь «животворящую кровь» (вот так, воистину по-церковному, окрестили новейший допинг мистически настроенные ученые) можно вводить не только атлетам, но и солдатам перед боем...

Виктор Семенович не на шутку перепугался. То, что «прокатило» в спортивной сфере, чревато для него самыми серьезными репрессивными последствиями, если он попытается протащить «обманку» в сферу оборонную. И будет разоблачен.

И сверхзасекреченный «доктор Блад⁵» (так его именовали в картотеке КГБ) пояснил заинтересованным лицам в военном ведомстве: мол, его открытие не применимо в отношении служивых людей, ведь вскоре после кратковременного прилива сил человек неизбежно испытывает их резкий упадок... Чем, разумеется, немедленно воспользуются подразделения противника.

Но в душе Виктор Семенович постепенно

---

⁵ Блад (blood — англ.) — кровь.

загорелся новой перспективой. Его уже не устраивала смехотворная должность директора Всесоюзного института лекарственных растений. Ну согласитесь, ведь несолидно звучит, верно?

И он объявил где надо, кому надо и когда надо, что уже годами вынашивает идею, воплощение которой способно обеспечить советским войскам подавляющее преимущество над любым противником. А именно: он разработал принципиальный алгоритм препарата (чем больше заумных слов — тем лучше!), прием которого позволит солдатам и офицерам обходиться без сна в течение недели и при этом обладать небывалой боеспособностью. Без малейшего ущерба для здоровья! Вы только подумайте — неделя непрерывного, массированного наступления! Да это изматает любого врага, заставит его капитулировать...

И сработало! Профессора вызвал тогдашний генсек Константин Черненко. Виктор Семенович уже неоднократно встречался с Черненко в бытность того при Брежневем заведующим общим отделом и одновременно секретарем ЦК.

— Значит, вот что, — рыхлый, сторбленный генсек ходил по ковру перед сидящим Мартемьяновым — такая вот была манера у Константина Устиновича. — Кха, кха... Говоришь, за три года сделаешь? Кха...

Черненко остановился перед профессором и уставился на него из-под седых бровей. В свою очередь и Виктор Семенович смотрел прямо в лицо генсеку. Широкое, дебелое лицо, какое-то бабье, вечно скорбное... «Прикидывает, протянет он три года или нет, — подумал Мартемьянов. — Да где уж тебе протянуть! Бедный ты бедный, тебе бы в Крым ехать надо, лечить эмфизему легких, а ты — туда же, державой руководить...»

— Этот срок, три года, я, Константин Устинович, с учетом непредвиденных задержек обозначил, — сказал Мартемьянов почтительно. — А реально, думаю, завершим научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы значительно раньше. Вот финансово-экономические и кадровые выкладки.

Мартемьянов протянул Черненко замшевую папку.

— Кхе... — Черненко пожевал губами, рассеянно покивал тяжелой головой. Эта мимика означала, что он принял решение.

И в 1984 году в тридцати километрах от Москвы были ударно возведены первые корпуса нового «закрытого» НИИ, директором которого стал Виктор Семенович.

Но вернемся в март 91-го, на оранжевый корт

институтского поселка.

— Так вот, — Мартемьянов смотрел на Каминского с легким раздражением, — интересно, как, по-твоему, отреагируют члены завтрашней комиссии, когда узнают, что здесь ошиваются Петриков и Зуров? С какой, спрашивается, стати на объекте появились представители прокуратуры и МУРа? Зуров, между прочим, может запросто подкатить к любому из этих старперов с расспросами — ведь это те же самые люди, что были здесь месяц назад... Да если они узнают, что тут случилось после их прошлого визита, кого-нибудь из этих патриархов точно удар хватит. А может, и не одного.

— Витя, — Каминский положил руку на плечо директора, — обещаю тебе, что ни завтра, ни послезавтра эти двое из органов на территории института не появятся. Можешь быть спокоен. Времена сейчас, может быть, новые, но служба безопасности у меня, слава богу, старой закваски. Ни на какую бумажку не посмотрят, если я прикажу кого-нибудь тормознуть.

Мартемьянов одобрительно кивнул, а Каминский вдруг рассмеялся:

— Знаешь, какие недавно стишки услышал про наши разлюбезные «органы»? Видно, дефицит спиртного в народе таланты пробуждает. Вот слушай:

Красные фуражки, угрюмые лица,
Это милиция идет похмелиться.
За ними идут сотрудники МУРа —
Вечно пьяные и вечно хмурые.
За ними идет прокуратура —
Эти пьют похлеще МУРа!
Вместе с ними пьет судья,
А когда же выпью я?

— Вот завтра и выпьешь, — скривился Виктор Семенович. — Да еще в какой компании! Все генералы да маршалы. Слушай, а почему ты не попытался хорошенько выпить-закусить со следователем и опером? А? Неужели до такой простой вещи не додумался?

— Как не додуматься... — с досадой махнул рукой Каминский. — Уж и так я к ним подкатывал, и эдак — ни в какую. Лица делают прямо каменные, аж оторопь берет. Типа — «мы на службе, сэр». Неправильные они какие-то, подозрительно это...

— Ладно, давай по завтрашнему дню. В общем, организуй все как положено, на высшем уровне. И это... Скажи своему Товмасыну, нехай девочек на всякий случай подготовит. Пяток. И парочку «на замену». Думаю, хватит. Только чтоб не получилось как в прошлый раз. Пусть набирает

бригаду «скорой помощи» из наших лаборанток. Он, по-моему, их всех уже того...

— Сделаем, Витя. Товмасыну бы не в нашем институте, а в Сочи сутенером работать.

— Знаю я его работу! Нарботал уже нам на задницу прокуратуру и угрозыск...

Недели три назад, когда из Минобороны приезжала комиссия в составе пяти крупных чинов, случился непредвиденный казус, который имел щекотливые последствия. После демонстрации «достижений» института началась тривиальная пьянка. Пить военные тузы умели, этого у них не отнять. Ближе к полуночи один из престарелых генералов намекнул, что неплохо бы разбавить мужскую компанию прекрасным полом. Остальные, обмениваясь солдатскими прибаутками, одобрили порыв сослуживца. Нет, ну ладно — сорокалетний полковник из научно-организационного управления — как его, Ерохин, кажется? Кстати, единственный, кто хоть что-то понимал, но с его голосом не считались — как говорится, не в чинах... С ним все понятно — тот еще кобель. Но эти-то ровесники века...

«Обожрались экстракта йохимбе, что ли? — недоуменно прикидывал Мартемьянов. — Или просто их, как нормальных мужиков, вдали от дома тянет на приключения...»

Как бы то ни было, к такому повороту в НИИ не подготовились. И Товмасыну пришлось срочно выписывать буквально первых попавшихся девочек из близлежащего райцентра — Домодедова. Ну и конечно, этих «юных натуралисток» до изумления шокировали и обстановка, и ранг клиентов. Умственными способностями девчонки обременены не были и, покинув поутру таинственное святилище науки, принялись восторженным шепотком рассказывать «в кругу завистливых подруг» о минувшей ночи. По райцентру поползли ненужные слухи...

Вскоре Мартемьянов по какому-то хозяйственному вопросу встречался с первым секретарем Домодедовского горкома партии Варяновым, за которым прочно закрепилось прозвище «Варяг». Варянов боялся Мартемьянова до онемения конечностей, никогда не произносил при нем ни одного лишнего слова, но тут вдруг принялся подробно докладывать, о чем говорят в городе: какой-то секретный объект, маршалы, заказывающие девочек... «Даже слушать не хочу эту ерунду, — жестко прервал Варяга профессор. — А если вы позволяете таким слухам плодиться в вашем городе, то грош вам цена как первому секретарю. Все эти разговоры советую в интересах партии и государства как можно скорее погасить!»

Вернувшись в институт, Мартемьянов

немедленно вызвал на ковер Товмасына. Бледный завхоз клялся партбилетом, что «конкретно» проинструктировал провинциальных гейш относительно последствий неразумного использования дара речи. Но, товарищ директор, шлюхи, они и есть шлюхи.

Товмасыну было предложено быстренько исправить ситуацию. Уже на следующий день, аккуратно в воскресенье, две девушки были найдены каким-то москвичом-лыжником с пулями в головах. После чего три оставшиеся на этом свете напрочь исключили из своего лексикона такие слова, как «генерал» и «маршал».

«Я не давал Товмасыну прямых указаний решить проблему столь радикальным образом, — бушевал во время очередной «прогулки» с Каминским профессор Мартемьянов. — Может, это все-таки ты его надоумил пострелять девчонок?» — «Витя, за кого ты меня принимаешь? Я же не мокрушник какой-нибудь, — укоризненно отвечал Каминский. — Просто он перестарался. Ты запугал его, Витя...»

На беду, как уже было сказано, аккуратно перед этим по Москве прокатилась волна убийств смуглолицых девушек. Журналисты подняли вой в газетах и на телевидении: в столице, мол, начался геноцид в отношении «инородцев»! Западная пресса мгновенно подключилась к этому

информационному психозу: серийные убийства по национальному признаку — это «вкусно», «очень вкусно». Особенно в период наметившегося распада СССР. Генпрокуратура, осуществлявшая контроль за следствием, предписала местным органам правопорядка сообщать в МУР и прокуратуру Москвы об аналогичных убийствах «ночных бабочек», чтобы объединить подобные факты в одно дело. И, естественно, когда в области обнаружили два трупа, а местная милиция установила, что потерпевшие были девицами «нетяжелого поведения», следственно-оперативная бригада появилась в опасной близости к секретному НИИ Минобороны.

Первое, что предложил Мартемьянову Каминский, — срочно ликвидировать Товмасына. Как выразился Альберт Васильевич: «от греха». «Ты же недавно убеждал меня, что ты не этот, как его... не мокрушник, — с иронией отвечивал директор. — К тому же мне казалось, что вы с Рубеном Григорьевичем — друзья. Да ладно, не оправдывайся, что, дескать, ради общего дела можно и другом пожертвовать. Товмасын, сукин сын, человек для нас очень нужный. Как там говорил великий Ленин? Иной мерзавец именно тем и полезен нам, что он мерзавец. Это, брат, марксизм, наука, против нее не попрешь. Значит, так: убирать его пока не будем. К тому же на

территорию института даже следователь прокуратуры попасть не сможет».

Однако все получилось иначе, а точнее — совсем наоборот. На трех подружек погибших девушек, выезжавших с ними по вызову Товмасына, Петриков и Зуров вышли сразу, в первый же день. Но насмерть перепуганные девчонки отказывались сообщить хоть что-нибудь вразумительное, несмотря ни на какое давление и угрозы со стороны Петрикова. А уж он стращать умел, да еще как! Особенно тех, кто был уязвим перед лицом закона.

Олег Зуров предпочитал иные методы сыска. И в тот же вечер в местном одиозном баре, затерявшись среди пьяных посетителей, он узнал все, что нужно: и про таинственный комплекс где-то посреди лесного массива, и про генералов с маршалами... «Ольгу и Юльку за длинный язык грохнули», — услышал Зуров разговор двух размалеванных девиц.

Доступ следственной бригаде на территорию секретного НИИ Минобороны был получен на самом высоком уровне. Генеральный прокурор лично обратился к генсеку. А весной 91-го «рулил» уже вовсе не Черненко, слепо веривший профессору Мартемьянову.

Услышав о ликвидации девушек, выезжавших обслуживать членов комиссии Минобороны, хозяин

Кремля пришел в состояние истерии:

— Они там что все вконец оборзели, что ли? Мало того что дармоеды, семь лет голову морочат, понимаете ли... Разгоню всех на хрен!

Генпрокурор так и не понял, кого имеет в виду его всемогущий собеседник — только институт или вообще все руководство военного ведомства. Для него было важно, что генсек тут же, по телефону, приказал министру обороны выписать допуск следственной бригаде на территорию закрытого НИИ. А когда генпрокурор покинул кабинет № 1, глава государства распорядился направить в секретный институт внеочередную комиссию с проверкой результатов научной работы.

Помимо постоянных членов комиссии, в нее должны были войти как минимум два действительно грамотных специалиста, способных реально оценить состояние дел по проекту «Бессонница» — так незамысловато именовались работы по созданию чудо-препарата. И специалистам этим дали понять, что от них ждут отчета, который положит конец существованию этого «черненкового дурдома».

Гениальная диспозиция, годами тщательно выстраиваемая профессором Мартемьяновым, рухнула в одночасье. Рухнула из-за какого-то пустяка, банального убийства на сексуальной почве. Двойного, правда, убийства, но сути это не

меняет...

О внезапной смене расклада ни Мартемьянов, ни Каминский знать не могли. И потому руководители института готовили к приезду комиссии стандартный сценарий демонстрации своих достижений.

Стоп! А в самом деле: ведь были же, наверное, хоть какие-то достижения у многочисленного научного коллектива, коль скоро он безбедно и даже весьма привилегированно просуществовал ажно целных семь лет? Были, были достижения. Причем реальные, осязаемые и опробованные «вживую». И препарат «Бессонница» продемонстрировал потрясающий по своей эффективности результат: физически и психически здоровый человек мог на пределе своих возможностей, абсолютно без сна, пахать даже не семь, не восемь, а девять, десять дней! По окончании столь изнуряющего эксперимента основные показатели состояния его организма «фиксировались в районе предельно допустимых норм». Вот оно, решающее преимущество Советской армии в условиях войны без применения ядерного оружия!

Но... По одному ему ведомым причинам профессор Мартемьянов не торопился победоносно предъявлять плоды творческих усилий

подчиненного ему коллектива ученых. Имеется в виду — предъявлять полученный препарат заказчикам, то бишь партийному, военному и гэбэшному руководству. Для периодически наезжавшей комиссии Минобороны, постоянные члены которой давно стали закадычными приятелями Виктора Семеновича, были заготовлены одни и те же словесные пассажи: мол, «еще немного, еще чуть-чуть», ведь мы хотим быть уверены в результате на 100 процентов, дело-то архиответственное... И пассажи сии благосклонно выслушивались престарелыми вояками — как правило, за весьма изысканным столом.

— Надо бы на этот раз представить комиссии что-то особенное, изюминку какую-нибудь, — вслух размышлял Мартемьянов. — На всякий случай... А то у меня нехорошие предчувствия.

— Это можно, — с готовностью кивнул Альберт Васильевич. — Это мы всегда готовы. Давай продемонстрируем подопытного силача с гирями и скажем, что он не спит уже дней этак шесть, а?

— Ну валяй, — нехотя согласился Мартемьянов (он же — «доктор Блад»).

— Кстати, — загорелся Каминский, — под это дело можно попытаться дополнительное финансирование выбить.

— Ну, об этом даже не мечтай, — отрезал

Виктор Семенович. — Денег больше не дадут. Интуиция у меня, знаешь ли... Боюсь, «там» уже подумывают, как бы нас прихлопнуть.

— Что-о?

— Именно так. Да и пора уж... Хватит, пожили за счет социалистического Отечества. Поверь мне, Альберт, скоро институт почует в бозе. А наша с тобой задача — стать его душеприказчиками. То бишь грамотно распорядиться наследством.

— И ты так спокойно об этом говоришь? — ужаснулся Каминский.

— А что? Мало мы с тобой денег нахапали? Пора заняться честным бизнесом, старина. Гм... Пока все не утрясется, надо бы отправить в отпуска некоторых хороших людишек. В Сочи, конечно, сейчас ехать рановато, но ничего, ты им побольше денег выпиши. А список людей я тебе представлю.

— О'кей, сделаем.

Каминский не понимал, почему Мартемьянов так равнодушно говорит о возможной ликвидации НИИ. А ответ был прост: Виктор Семенович, действительно, уже получил от своей затеи с институтом почти все, на что рассчитывал с самого начала. Но этот естественный вывод почему-то не приходил в голову Альберту Васильевичу

Каминскому⁶.

И уж тем более не мог вообразить Каминский, что пресловутый проект «Бессонница» был для Мартемьянова ничем иным, как своего рода прикрытием, камуфляжем для достижения истинных целей. Одним из шагов (даже не шагов, а всего лишь шажков) на пути к достижению почти неограниченной власти. И богатства, разумеется.

Нещадно эксплуатируя научный потенциал вверенного ему института, Мартемьянов получил-таки средство к осуществлению этих целей.

Ибо в недрах секретного НИИ полгода назад был получен опытный образец принципиально нового, сверхсильного синтетического наркотика.

Дело за малым: наладить производство и сбыт этого чудовищного по своему эффекту и вожаденного для «шировых» всего мира препарата. Ибо Мартемьянов не собирался продавать формулу кому бы то ни было.

В отличие от формулы «Бессонницы», между прочим.

---

⁶ Спустя несколько лет препарат, позволяющий солдату активно сражаться без сна в течение недели, появится в некоторых спецподразделениях армии США.

Апрель 1991 г.

«Москва, Старая площадь»

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО
СОЮЗА

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦК КПСС

Срочно, секретно. Нарочными

Министру обороны СССР — одна копия

Председателю КГБ СССР — одна копия

Направляю Вам доклад специальной комиссии, проводившей проверку состояния научно-технических разработок по проекту «Бессонница». Поддерживаю выводы комиссии относительно того, что практические результаты семилетней деятельности секретного НИИ Министерства обороны не соответствуют тем объемам государственного финансирования, которые выделялись по данному проекту, и о нецелесообразности дальнейших работ в этом направлении.

Предлагаю:

1. Финансирование деятельности НИИ прекратить, институт ликвидировать.

2. Чтобы предотвратить возможное проникновение на Запад или в стан внутренних врагов советской власти информации о разработках в СССР препарата «Бессонница», считаю целесообразным:

— расследование с целью выявления возможных финансовых и прочих злоупотреблений, связанных с упомянутым проектом, провести в режиме полной секретности, с привлечением специалистов КГБ, ГРУ и Генеральной прокуратуры. О результатах доложить мне лично.

3. Всем сотрудникам института выразить благодарность от имени руководства Министерства обороны и выдать премии согласно занимаемой должности.

4. Всю научную документацию сохранить для возможного возобновления разработок по проекту «Бессонница» в будущем.

10 апреля 1991 года,

19.00 по московскому времени».

Собственно говоря, на этом история секретного НИИ Минобороны завершилась. Следствие по делу об убийствах девушек — и в Москве, и в Подмосковье — закрыли по целому ряду причин. Во-первых, регулярные отстрелы мифическим Яшкой Потрошителем юных девиц почему-то прекратились в апреле того же года. Во-вторых, экспертиза установила, что домодедовские медсестры были застрелены из другого пистолета. Дело сначала распалось, а по прошествии установленного срока следствия было прекращено и сдано в архив. Следователь Захар Петриков перешел на работу в Генеральную

прокуратуру.

А Олег Зуров...

Майор Зубр еще какое-то время тянул нудную лямку, потом начались пертурбации, связанные со сменой режима и распадом СССР. В начале 92-го Олег плюнул на все и подался добровольцем в Боснию. Разумеется, предварительно исхлопотав себе длинный-предлинный отпуск — аж за все годы своей службы в МУРе (до этого так ни разу и не удосужился отдохнуть по-человечески).

Олег в своем панибратском рапорте на имя начальника отдела убийств МУРа полковника Вихрова писал так:

«Довожу до Вашего сведения, товарищ мой полковник, что в ближайшее время, т. е. как только окажусь в отпуске, я намерен обратиться в посольство Союзной Федеративной Республики Югославия (СФРЮ), для оказания мне содействия в отправке на территорию Республики Босния, добровольцем в армию так называемой Республики Сербской (входит, как Вам, должно быть, известно, в состав Боснии). Предварительная договоренность с командиром подразделения российского добровольческого отряда «Царские волки» майором Готовым имеется. Классный мужик этот волк Готов. И впрямь глотку готов порвать врагу. Бывший спецназовец. Он был недавно в Москве по делам (хоронил отца), мы вместе поминали и отца его, и бывшую жену мою Валентину, погибшую от моей

руки из-за долбаной албанской «дури».

Искренне твой,

Зуров Олег»

Глава первая

Приблизительно наше время

В огромном подземном гараже выстрел прозвучал гулко, с отраженным эхом:

— Зик-хау!

52-летний Борис Кропотов метнулся за квадратную колонну, лихорадочно вытаскивая пистолет, который, как назло, цеплялся за полу пиджака.

— Хау, хау, хау! — трижды выстрелил Борис в безжизненную пустоту гаража.

Впрочем, не совсем безжизненную: кто-то, согнувшись в три погибели, прятался за длинной вереницей капотов, кося глазом в сторону притаившегося за колонной оперативника.

Муровский майор Кропотов, идя на эту встречу, назначенную в анонимном письме, заранее предполагал, что все может произойти именно так. И что шансов на то, чтобы вновь глотнуть бодрящий воздух улицы, у него немного. Но зная

это, он, как пацан, постеснялся доложить о странном «приглашении на казнь» своему напарнику подполковнику Зурову. Решил провести операцию самостоятельно.

А то что же получается? В последние годы он обабился, стал таким сибаритом, превратился в некое сопровождающее лицо при живом классике сыска, старшем опере Олеге Зурове. Борису срочно требовалось реабилитироваться — прежде всего, перед самим собой. И перед Кариной, конечно...

— Хау, хау, хау! — вновь загредел табельный пистолет полицейского, и он уловил чью-то тень, метнувшуюся за автомобилями.

Тишина... Лишь машины своими осоловелыми, погасшими глазами смотрят на него.

Вспышка! Слепящая вспышка света. Это сразу все лампы включились под потолком, все фары сотен авто дали полный свет. Борис инстинктивно распластался на полу, дыша как загнанная собака.

Гулкие, неторопливые шаги приближались к его вжтому в бетон телу. Кропотов выпростал из-под себя руку с «Макаровым», направил его на охваченный багровым протуберанцем темный силуэт... Клинк! Осечка? Клинк! Всё, приехали, граждане. Патроны кончились. А перезарядить обойму, конечно же, ему не позволят.

Шаги смолкли в полуметре от Кроптова, послышалось клацанье передергиваемого затвора.

— Щенок. Дряхлый, слепой, непрофессиональный щенок, — услышал Борис презрительные слова подполковника Зурова.

И проснулся, словно его толкнули в плечо. Он лежал, раскинув руки, будто распятый на кресте. И в самом деле, впечатление было такое, что его тело прибили к постели гвоздями. Какое-то время Борис был просто не в состоянии пошевелиться. Потом, как сомнамбула, поэтапно извлек себя из кровати и поплелся в ванную.

Этот скверный, тягучий сон преследовал старого оперативника уже несколько месяцев, приходя по вольному, скользящему графику.

На кухне гремела посудой, что-то напевая, жена Карина. Интересно, а бывает ли ей когда-нибудь грустно? Да, бывает, конечно. Как-то они ходили в Исторический музей, и Кропотов пересказывал Карине скорбную участь царевны Ксении Годуновой, которая любила шведского принца, собиралась сыграть с ним свадьбу, но была захвачена Лжедмитрием, обесчещена им, отчего сошла с ума и сгинула в глухом монастыре... Карина плакала, не стесняясь других посетителей.

Сейчас она пребывала в жизнерадостном настроении, и на душе у Кроптова как-то само собой просветлело.

«Правильную жену берешь, Крот, хоть и девчонка она совсем, старый ты сластед, —

вспомнились слова Олега Зурова, сказанные им во время свадьбы Бориса и Карины. — Деревенская девка, она всегда лучше, чем все эти...»

И матерый «Зубр» — так прозвали в ГУВД старшего оперуполномоченного убойного отдела подполковника Зурова — выразительно покрутил растопыренными пальцами, едва не потеряв равновесия.

Боже, как давно это было!

— Завтрак готов, — Карина повела рукой над столом.

Борис с напускной критичностью осмотрел тосты с сыром и яйцом, ветчину, зелень, йогурты... Вдохнул густой запах кофе. И, одобрительно поджав губы, уселся на табуретку.

За окном лютовала непогодь: снежная крупка перемешивалась с холодным, секущим дождичком.

— Раньше в этот день не работали, — буркнул Борис.

— Сейчас тоже не работают. Только название праздника изменили — кажется, День национального примирения... А ваши-то и раньше 7 ноября выходили на службу. Остальных на демонстрации в такую вот хмарь выгоняли, — ответила Карина.

— Демонстрация... От слова «демон», скорее всего.

— А может, от слова «монстр»? — с

притворным страхом округлила глаза Карина.

— Может... Но ты-то откуда все это помнишь?

— Ну, я при советской власти в школу ходила все-таки. Не знаю, как другие, но я всегда боялась этого праздника. Всюду торчал красный, безумный Ленин, вся деревня как-то по-особому, остервенело напивалась...

Борис расхохотался:

— Слушай. До сих пор забыть не могу, перед глазами стоит. У нас в Георгиевске в скверике памятник был. Жанровый такой, групповой. Короче, Ленин беседует с народом. Стоит Ильич, склонив голову и протянув руку ладонью вверх, объясняет что-то. Перед ним — крестьянин-лапотник с винтовкой, насупился, бороду чешет. А третий — молодой такой, бравый матрос из рабочих, с наганом за поясом: этот бескозырку лихо так стаскивает, мол, была не была!

— Ну и что? Очень даже высокохудожественный памятник...

— Вот и я про то. Каждое седьмое ноября у Ленина в ладони бутылка водки появлялась, пустая, конечно. Представляешь, какая сценка получалась? И «соображали» то они на троих не где-нибудь, а среди кустиков. Жаль, лет пять назад ночью увезли памятник, погрузили на «КамАЗ» — и тю-тю. Он же алюминиевый был, шедевр тот...

— Да, жалко... — по-детски выпятила губки Карина. — А у нас в этот день по традиции вечером в клубе сходились парни с двух концов деревни — с кастетами, цепями, ножами. Участковый не вмешивался: с ним была особая договоренность. Всякий раз — один-два трупа, одного-двоих — в тюрьму...

— Преувеличиваешь, — вяло ответил Борис. — Так бы у вас через десяток лет молодежи вообще не осталось.

— Может, и не осталось бы, — согласилась Карина, — да только, слава богу, времена изменились. Я, как в деревню приезжаю, диву даюсь: Васька Камень, который полдеревни в свое время искалечил, теперь супермаркетом владеет, церковь на свои шиши восстанавливает. Правда, в соседнем селе разруха...

Борис помолчал, жуя ветчину. Вспомнилось...

Глава вторая

Его мать и отец служили в лондонском представительстве «Совэкспортфильма» — довольно своеобразной организации, которая «пристраивала» на экраны английских кинотеатров максимум один наш фильм в год. И тем не менее лондонская контора «Совэкспортфильма» всегда пестрела многолюдием. Ибо шарашка сия была

официальной, известной всем и каждому (в том числе английской контрразведке МИ-5), резиденцией советской агентурной сети в Британии.

Она существовала для прикрытия, то бишь отвлечения внимания «охотников за головами» от действительно секретных советских агентов.

Время от времени МИ-5 хватала пару-тройку киноторговцев, «продавцов социалистического образа жизни» за шпионаж и... И вскорости обменивала их на пару-тройку «джеймсов бондов», арестованных в СССР.

В общем, полное взаимопонимание и довольство друг другом между спецслужбами великих держав.

Когда Боре Кропотову было примерно три года, что-то нарушило привычную, вялотекущую практику взаимодействия МИ-5 и советской разведки-контрразведки. Какая-то кошка пробежала между высшим руководством двух стран... Поговаривали даже, что лично между Хрущевым и молодой Елизаветой II⁷...

---

⁷ Возможно, имеется в виду народная легенда о попытке Никиты Хрущева сделать щедрый жест в отношении приглянувшейся ему королевы: взять да и передать ей в дар сокровища ее родственников — российской царской семьи. Хрущев, по преданию, уже поторопился объявить Елизавете о своем неслыханном подношении во время вечернего чая, но во Внукове самолет с императорскими «цацками» якобы

Отец и мать Бори Кропотова сидели в лондонской кутузке, терпеливо дожидаясь обмена на британскую супружескую пару, задержанную в Ленинграде по обвинению в шпионаже.

Обмена не произошло.

И родители Кропотова получили по 60 лет тюрьмы с отбыванием в эдинбургском застенке — разумеется, порознь. (Какой срок в советских лагерях получили супруги-англичане — о том никому ведомо не было).

А маленького Борю поместили в особый детский дом. Для избранных. По нерушимой традиции, Главное разведуправление (ГРУ) не оставляло своим попечением детишек спекшихся советских шпионов. И Боря Кропотков с первых лет жизни значился в картотеке спецслужб как будущий кандидат в кадровые разведчики. Ну, или, на худой конец, для работы в КГБ на территории

тормознул председатель КГБ Семичастный. Пришлось ограничиться арабским скакуном карабахской породы для самой королевы и ручным медвежонком для ее младшей сестры, принцессы Анны. Как ни странно, Семичастный и впредь оставался одним из самых доверенных людей Хрущева. А Елизавета II с тех пор наотрез отказывалась посетить Россию и приехала с визитом только в 1994 году — после приснопамятного расстрела российского парламента, ознаменовавшего окончательное установление нового режима.

страны. А уж коли случится такая беда, что юношу признают совсем никудышным, так хоть в офицеры милиции...

На каждое 7 ноября его забирала из детдома тетка матери — он называл ее бабушкой. Мальчик покорно ехал с ней в небольшой старинный городок Георгиевск, что за сто км от столицы. Там у сухонькой, чуть сгорбленной старушки был бревенчатый дом с печкой и колодцем во дворе. По дороге мальчик односложно отвечал на бабушкины расспросы...

Боря вовсе даже не стремился вырваться на каникулы из интерната, поскольку он отнюдь не казался ему постылым. Как и большинству других маленьких обитателей, между прочим. Секрет столь необычной любви детишек к детдомовской неволе был прост: интернат сей предназначался не для простых отроков и отроковиц, а для особых, из семей советских разведчиков, полярников, физиков-ядерщиков, высокопоставленных военных, государственных деятелей, которые по тем или иным обстоятельствам (чаще всего — по причине внезапной смерти или тюремного заключения) оказались не в состоянии заботиться о ребенке. Таким образом, профессия родителей Бори Кропотова открыла ему двери в престижный, элитный, показательный детский дом.

Здесь были столы для пинг-понга, балетный класс, школа бокса, всевозможные кружки. Детей часто возили на экскурсии по стране: в Брестскую крепость, в Ульяновск, Киев... Один раз летом даже отправили в братскую Болгарию. А главное — очень хорошо кормили и не били. Живи — радуйся!

Но маленькому Кропотову было очень жалко одинокую бабушку, которая все не могла дождаться каникул, когда можно будет забрать к себе Бореньку — ну хоть на несколько дней. С тяжкими тревожными старушка приезжала в интернат из своего подмосковного городка, смешно бодрилась перед персоналом — как бы демонстрируя, что ей вполне можно доверить ребенка...

Седьмое ноября начиналось приятно: Боря нежился на перине, слушая революционные песни, доносившиеся из радиоточки; потрескивали дрова в печи. Покряхтывала бабушка, замешивая оладьи...

И вдруг — бешеный, как набат, стук в окно:

— Оля! Оля! — кричала соседка. — Кости выбросили! Ты слышишь? Кости выбросили, беги скорей!

— Бегу, бегу! — Бабушка уже куталась в пуховую косынку, наскоро натягивая резиновые ботинки. — Боренька, вставай, за печкой последи, я скоро вернусь...

Бабушка всякий раз так торопилась, что

однажды рассекла себе бровь о косяк, и вот так, окровавленная, прижимая ко лбу тряпочку, посеменила в магазин за костями... Это были желтые мослы с алыми прожилками не до конца выскобленного мяса. Мясные наборы «выбрасывали» только по праздникам...

А к магазину, называемому в народе «железкой» (был он возле заброшенной заводской железнодорожной ветки), уже стекались озверелые гражданки. Бойня у входа в магазин продолжалась часа два, за это время маленький Боря протапливал печь, выносил во двор дымящуюся головешку и золу, закрывал печные заслонки. Возвращалась бабушка — как правило, с мясным набором, и, встав посреди комнаты, заводила один и тот же «доверительный» разговор неизвестно с кем:

— Сходила, трешницу отдала. А что купила? А ничего не купила. Ох, что творилось сегодня... Одну родюху чуть не раздавили, так кричала, бедная...

«Родюхами» бабушка называла беременных.

Спустя годы, в 90-е, Кропотову довелось еще раз воочию лицезреть подобное повальное обнищание простонародья из глубинки. Он ехал в командировку в Саратов и из окна своего купе, сквозь мелькающие конструкции железнодорожного моста, увидел широченную Волгу... На берегу, словно нахохлившиеся галки,

сидели старухи с удочками в руках...

— Ну и хобби у ваших бабулек! — хрюкнул Кропотов, потянувшись за фотоаппаратом.

Его сосед по купе, саратовский дядька, сурово глянул на не в меру веселого попутчика:

— Это не хобби, приятель. Это голод. Старики-пенсионеры мрут от недоедания...

А тогда, на рубеже 60-70-х, 7 ноября продолжалось как долгожданный праздник. Приходил за трешницей сосед справа, дядя Сережа: «Ты только, тетя Оль, Светке не говори»; потом — другой сосед, уже слева, дядя Витя: «Ты уж Райке-то не говори, тетя Оль».

Бабушка выручала всех, потому что, во-первых, мужики всегда отдавали, а во-вторых, за такой постоянный кредит могли бесплатно помочь старухе поправить забор, починить ветхий ламповый телевизор, принести ворованную раму со стройки — на парник пойдет, все давай сюда...

Бабушка считала такую жизнь нормальной, вполне человеческой и была искренне уверена, что внучек Боренька рад-радешенек, когда ему удастся вырваться на волю из детдома, погостить у нее в Георгиевске среди «своих». Вот там, в приюте, считала бабушка, действительно не жизнь — все чужое, казенное.

Она и подумать не могла, что юному Кропотову куда веселее было бы играть сейчас в

пинг-понг, поедать конфеты от «шефов», смотреть фильм в маленьком кинозале... Но ему до слез было жаль бабушку, и он говорил, что в детдоме скучно, а у нее хорошо.

Окна почерневшей бревенчатой избы выходили прямо на водоразборную колонку, и однажды, в такой вот праздник, оприходовав по трешнице, возле колонки встретились с ведрами бугай дядя Сережа и тщедушный, но жилистый дядя Витя. Они были старыми приятелями-собутыльниками, но тут чего-то не поделили — может, заспорили, кому первому наливать воду. Дядя Сережа крутнул рукой и гулко огрел соседа ведром по голове. Дядя Витя покачнулся, глядя осоловело, широкая полоса крови залила его щеку. Он шагнул назад, оступился, казалось, вот-вот упадет, но собравшись с силами, нанес ответный удар ведром. Попал ребром доньшка в висок дяде Сереже.

Дядю Сережу хоронили десятого ноября, в День советской милиции. Пришел и участковый, все соседи собрались. Бабушка заставила пойти с ней на поминки и восьмилетнего Борю, своими глазами видевшего побоище у колонки и еще не пришедшего в себя от потрясения. Был на поминках и дядя Витя, лил пьяные слезы: «Мы с Серегой, бывало, бутылку возьмем...»

С дядей Витей выпивали сыновья покойного

— Ленька и Сенька, а тетя Света, вдова дяди Сережи, сердито приговаривала: «Виктор, ты бы хоть закусывал, неровен час, под стол свалишься, а тебе еще гроб нести». Поминать в Георгиевске частенько начинали задолго до выноса тела из дому — такой был обычай: вроде как покойник тоже принимает участие в совместной выпивке. Бывало, дня по три-четыре так и пили, и спали вокруг гроба...

В Георгиевске по пьянке убивали часто, и заканчивались такие истории традиционно: душегубец — как правило, родственник, сосед или приятель угробленного — оплачивал похороны и поминки. Иногда еще и отпевание в церкви, если убиенный не был совсем уж вдребадан, и отец Василий из собора Александра Невского разрешал отпеть раба Божия.

По-соседски дяде Вите сделали скидку — в качестве выпивки допускалась самогонка, и тетя Рая, сожительница дяди Вити, варила ее денно и нощно: на день похорон, на опохмелку, на девять дней... «Сколько убытку из-за тебя, алкаша, — выговаривала она понурому дяде Вите. — Лучше б Серега тебя убил или в тюрьму тебя посадили, какой с тебя прок». Кроме тети Раи больше никто не упрекал дядю Витю. Ну, выпимши были мужики, известное дело, праздник...

Милиция приветствовала «мировые

соглашения» между сторонами: уж слишком ужасающей была статистика преступности в социалистическом Георгиевске, городе красных ткачих и не менее красных станкостроителей. К середине семидесятых восемь тысяч особей мужского пола или уже имели «ходку» в места не столь отдаленные, или пребывали там в настоящий момент. То есть — практически все взрослое мужское население, едва ли не поголовно, было знакомо с зоной не понаслышке. Ведь из шестидесяти тысяч жителей три четверти были женщины, главным образом — старухи.

Глава третья

Бабушка жила долго, упрямо, и у Бориса выработалось своего рода поверье: пока она жива, с ним все будет только хорошо. Иначе и быть не может, раз старушка внушала это ему с самого детства!

В 17 лет Кропотов поступил в МВТУ имени Баумана, через пять лет закончил его — не с отличием, но с вполне достойными оценками. Приехал к бабушке, хвастал дипломом. «Это ты что же теперь, бонбы делать будешь?» — в который раз интересовалась она.

Борис тушевался... Ну как объяснить ей, что он всего-навсего будет сидеть в

конструкторско-технологическом бюро и получать невесть какую зарплату непонятно за что... И какая карьера ожидает его? Стать ближе к пенсии замом начальника этого самого бюро?

Но спустя несколько лет даже эта невеселая перспектива стала представляться ему чуть ли не Парнасом, да еще и с Олимпом вкупе. В 1990-м КБ прикрыли — началась тотальная ликвидация научно-производственных объектов. Другой работы по специальности для Кропотова не нашлось.

Вскоре бывшие однокурсники Бориса торговали на рынке, ездили «челноками» в Турцию и Эмираты, а кое-кто, удачно женившись, уже владел собственным бизнесом или сидел в банковском офисе.

Борис подумал-подумал да и согласился на предложение однокашника — мотнулся «на пробу» в Турцию за кожаными куртками. Постепенно пообвык, втянулся. Однако тяжкую повинность — стоять на базаре и торговать шмотками в розницу — Кропотов так и не сдюжил: он сдавал привезенный товар оптовикам, имея весьма скромную прибыль.

Безысходность положения отчасти была скрашена получением однокомнатной квартиры в Южном Бутове, которое уже стало частью Москвы. Как ни странно, какие-то социальные программы в стране еще действовали, причем иногда, в

счастливых случаях, — даже для простых смертных. «Тебя, Борька, удача посетила, как корова языком по макушке погладила», — говорили Кропотovu в Георгиевске, когда он приезжал навестить бабушку.

Бабушкина уверенность, что у Бореньки будет все хорошо, каким-то чудесным образом воплощалась в действительность с неотвратимостью пророчества. Как-то вечером он плелся в свою квартиру после изнурительного возвращения из Стамбула на битком забитом «челночном» автобусе. Ковылял к своему бутовскому панельному дому с двумя баулами в руках, и его остановил парный милицейский наряд. Якобы для проверки документов. Борис уже знал, чем закончится эта проверка: ментам придется выдать по кожаной куртке.

Но на деле все вышло иначе.

Постовые здраво рассудили, что турецкие шмотки неплохо бы сначала примерить, выбрать не торопясь, что поглянется... И доставили Кропотова в отделение.

Здесь его радушно приветствовал слегка поддатый грузный подполковник Ходырев: у него аккурат был день рождения. Обругав задержавших Бориса «дармоедов», подполковник заговорил с Кропотовым за жизнь:

— Безработный, говоришь? Ну-ну... Сейчас,

брат, на гражданке — не жизнь. Или воруй, или побирайся. Иди лучше к нам, и заработки нормальные, платят вовремя, и отпуска хорошие, льготы... Знаешь, надоела лимита, а ты хоть и детдомовский, но свой, москвич. И жилье тебе не нужно. В армии служил?

— Нет, — понурился Борис, которому вдруг начала нравиться неожиданная перспектива. — Но я на сборах был, лучший стрелок курса!

— У тебя, стало быть, военная кафедра была, и тебе сразу погоны приходится вешать, — задумался подполковник. — Какое звание?

— Лейтенант.

— Оперативником в районный угрозыск пойдешь? Ребята там ничего, более-менее толковые, тоже с техническим образованием. Короче, найдете общий язык. Они тебя поднатаскают, объяснят, что и как.

Баулы Борису вернули в полной неприкосновенности: мол, со своих дань не взимаем... Так началась для 30-летнего Кропотова новая, милицейская жизнь. Тянулись месяцы нудной, но, в общем, вполне сносной оперативной службы в окраинном московском райотделе. Здесь не было, как в МУРе, деления на специализации — кто свободен, тот и брал новое дело. Независимо от его тяжести или разновидности. Правда, угоном машин занимался все-таки специалист — бывший

перегонщик подержанных иномарок.

О Кропотове почему-то говорили, что, дескать, этот парень далеко пойдет. Чудно! Подобные высказывания в адрес своей скромной персоны Борис привык слышать с детства. То от детдомовских воспитателей и учителей, то от георгиевских побитых жизнью «кавалеров», то в Бауманке — от солидных профессоров. На чем зиждилась такая непреложная уверенность старших в успешной карьере юного Кроптова, вразумительно объяснить никто не мог. Уж не на том ли, что взглядом, повадкой и наивностью он смахивал на сказочного Иванушку-дурачка, у которого, как известно, карьера и финансовое благосостояние всегда складывались наилучшим образом?

Через полгода службы Бориса порезали. Ночью в составе опергруппы он выехал на квартирную поножовщину, с разбегу высадил дверь и угодил прямо на перо подкарауливавшего за косяком дебошира. «Ты был прямо как стрекоза на булавке», — мрачно шутили потом коллеги.

В неразберихе Кроптова доставили в ближайшее медицинское учреждение — Научный институт клинических исследований. И, как выяснилось, в том сказался промысл Божий: у Бориса был поврежден брюшной нерв, а в клинике

как раз дежурил сам Иван Иванович Курлов — крупнейший нейрохирург и главный врач этого святилища медицинской науки. Курлов лично корпел над Кропотовым всю ночь и все утро, несмотря на свой почтенный возраст. И опасное ранение обошлось для лейтенанта без видимых последствий.

Но кто мог тогда подумать, что вскоре, через каких-то полтора месяца, насильственная смерть настигнет самого профессора Курлова! Его задушили в собственном кабинете за неделю до Нового года... Борис, услышав эту новость в дежурке, не мог поверить своим ушам. Как? За что? Кому мог помешать безобидный нейрохирург, этот любимый всей округой «Доктор Айболит»?

Коллеги прятали от Кропотова глаза, понимая его состояние.

— Сейчас на место происшествия прибывает бригада из МУРа, — сказал Борису подполковник Ходырев. — Говорят, между прочим, — он сделал значительное лицо, — что розыск будет вести сам... Зубр!

Глава четвертая

Лейтенант Кропотов, о легендарном муровском сыщике, подполковнике Зурове, по прозвищу Зубр, был наслышан. Конечно, к устным

преданиям о гениальности Зурова примешивалась изрядная толика небылиц — уж как водится. Но ведь и право на слухи и небылицы о своей персоне надо заслужить, как справедливо подметил подполковник Ходырев.

— В общем, дуй в клинику, — подмигнул Кропотову начальник. — Ты ведь, поди, рвешься поучаствовать в розыске убийцы?

Когда Борис в своих потертых джинсах и сером свитере появился в кабинете Курлова, там всю кипела работа. Эксперт-криминалист снимал отпечатки пальцев, судебный врач нудно диктовал следователю прокуратуры первоначальное заключение о смерти.

Маленький профессор неестественно скрючился в массивном кресле, бородка запрокинулась, а на вздущееся лицо было лучше не смотреть. В правой руке убитого повисла кофейная чашечка. На столе Кропотов увидел изящный кофейник, пустой молочник, сахар в серебряной вазочке и миниатюрные щипчики. В стороне лежали какие-то бумаги, а прямо перед профессором — стопочка долларов с криво усмевающимся Франклином.

— Кто таков? — окликнул Кропотова худощавый чернявый дядька примерно одного возраста с Борисом, в темном костюме и при галстуке; видно было, что именно он заправляет тут

всем происходящим.

Один из оперативников райотдела, также находившийся в кабинете главврача, что-то прошептал на ухо «заправиле», и тот слегка потеплел.

— Прими мои соболезнования, парень, — дядька положил свою тяжелую ладонь на плечо Кропотову. — Вишь, убили твоего благодетеля... А я — подполковник Зуров, отдел убийств Московского уголовного розыска.

И Зубр ревниво проследил за выражением лица лейтенантика — в достаточной ли мере отразился на нем благоговейный ужас?

— Борис Кропотов, оперуполномоченный районного ОВД, — растерянно представился в ответ лейтенант.

— Поганое дельце, а? — доверительно подмигнул ему Зуров.

— Угу. У вас уже есть какая-нибудь версия? — довольно рискованно спросил Кропотов.

— Хм... Есть кое-что, но тебе это вряд ли понравится, он ведь жизнь тебе спас, — вполголоса ответил Зубр.

Сыщики подошли к письменному столу.

— Вот смотри, в этих бумагах, — подполковник ткнул пальцем в кожаную папку, — перечень сильнодействующих наркотических препаратов — запрос клиники на предстоящий год.

Внушительный список, лейтенант... И объемы значительно больше прежних. Правда, тут прилагается обоснование... И стоит собственноручная подпись Курлова. А здесь — две тысячи «зеленых»⁸. Похоже, брат, здесь был торг.

Кропотов нахмурился. Какие-то махинации с наркотиками? И Курлов, этот славный доктор Айболит, был в них замешан? Не может быть... Хотя... В наши дни может быть абсолютно все.

Борис почувствовал, что краснеет. Ему стало стыдно от собственных мыслей, будто он только что с легкостью предал человека, который вытащил его с того света.

Кропотов оглядывал кабинет, отмечая про себя детали обстановки. Вот знакомый эспандер, висит себе на гвоздике, и никогда больше профессор не возьмет его в руки... Борис с грустью вспомнил, как совсем недавно Иван Иванович по-стариковски хвастался перед поправляющимся оперативником, что ежедневно «накачивает себе мускулатуру»...

Возле вешалки в углу валялся скомканный белый халат. Кропотов подошел поближе и

---

⁸ По меркам 1993 года — огромные деньги: достаточно сказать, что однокомнатная «сталинка» в самом центре столицы стоила 5–6 тысяч долларов.

разглядел на лацкане красиво вышитую надпись: «И.И. Курлов». Странно... Покойный профессор, без всякого сомнения, был человеком аккуратным. Почему же халат на полу? Озадачило Бориса и то обстоятельство, что водопроводный кран был завернут не до конца, и вода, шипя, струилась в раковину. Лейтенант осторожно повернул вентиль, и латунный кран, поворчав, затих.

— Не трогай ничего, идиот! — раздраженно крикнул Зуров, и Борис, сконфузившись, вышел из кабинета.

Глава пятая

В административном отсеке клинического института было тихо. Кропотов, поколебавшись, толкнул дверь ближайшего кабинета.

Заместитель главврача по лечебной части Микиткин выглядел чересчур бодро для такого момента. Зуров уже опрашивал его, но словоохотливый эскулап, казалось, с удовольствием повторял то, что было ему известно.

— Знаете ли, у нашего старика была такая привычка — пить кофе с молоком с половины первого до часу дня. Да-да, как раз в это время его и убили. Так вот, это питье стало для него неким ритуалом: сам варил напиток по какому-то хитроумному рецепту, колол сахар старинными

щипчиками, смаковал каждый глоток.

— Невинное чудачество, — пожал плечами Кропотов.

— Да не чудачество, тут все дело в том, что в былое время шеф за день вливал в себя чашек по пятнадцать крепчайшего бразильского кофе, но «мотор» начал сдавать, и теперь он позволяет себе только две чашечки, да и то с молоком... Я хотел сказать, позволял. И, представьте, все дела на это время откладывал, никого не принимал. Мы и войти-то к нему боялись во время этого священнодействия.

— То есть убийца мог не опасаться свидетелей, — задумчиво пробормотал Борис. — А были у Курлова враги в клинике?

— Как вам сказать... Младший медперсонал просто молился на шефа, но что касается больничного начальства, то тут у него друзей не было. Скажу по секрету: бывало, соберемся тайком от босса раздавить коньячку, так первый тост, чтоб Курлов околел на своем посту... Что поделать, мы, врачи, народ грубоватый. Понимаете, Иван Иванович был человек тяжелый... В общем, старой закваски. Время таких, как он, прошло.

— Что вы имеете в виду?

— Да вот, к примеру, наш зам по экономике Сурков. Уж сколько раз он предлагал Курлову перевести на коммерческую основу некоторые

наши процедуры: массаж, лазерную терапию, фитолечение... И всякий раз — отказ. Медицина, мол, должна быть бесплатной, народ и без того обнищал. А где нам брать деньги на развитие, скажите на милость?

Кропотов сделал пометку в блокноте: «Сурков. Коммерция. Курлов мешал заколачивать «левые»?».

Микиткин засопел, покосившись на блокнот, но тем не менее продолжал:

— Или, допустим, главный кардиолог Берендин. Человек столько лет работал над докторской диссертацией, так знаете, что сделал Курлов? Поставил на ней жирный крест. Да еще сказал при всех, что таких, как Берендин, близко к науке нельзя подпускать. И карьера Берендина — тью-тью. Ведь Курлов — член всех мыслимых и немыслимых президиумов и ученых советов!

— Был, — уточнил Борис и сделал очередную запись. — Насколько я понимаю, теперь Берендину ничто не мешает осуществить мечту своей жизни и стать доктором наук?

— Видимо, так, — кивнул Микиткин. — Хотя насчет его диссертации старик, по-моему, был прав. А вот вам еще случай. Луневой, нашему главному анестезиологу, недавно предложили шикарный контракт: пять лет в Австралии. Между нами говоря, шикарная бабенка, пальчики оближешь. Так

Курлов не подписал ей рекомендацию, и контракт повис.

— А почему же Иван Иванович ей отказал?

— В принципе, я его понимаю. В последние годы Лунева перестала практиковать, занималась кадровой работой, снабжением... Да и прежде от нее, как от врача, было мало проку. Ну не для того она создана!

— Как же она стала начальником?

— О господи! Да как все красивые бабы. Говорят, есть некий высокий покровитель в Минздраве, — Микиткин двусмысленно усмехнулся.

— Стало быть, отныне препятствий для работы Луневой в Австралии нет, ведь с этой минуты вы — и.о. главврача? А мадам Лунева, как вы только что изволили выразиться, — «шикарная бабенка, пальчики оближешь»...

Микиткин смутился, а Кропотов нахмурился. Этот пухлый, изрядно потасканный ловелас откровенно не нравился оперативнику.

— Вам, простите, сколько лет? — поинтересовался Кропотов.

— Пятьдесят семь, — Микиткин нервно забарабанил пальцами по столу.

Лейтенант прищурился. Выходит, у зама тоже были все причины желать смерти своему патрону. Самому скоро на пенсию, а Курлов уступать место

главврача не собирался, берег сердце, делал упражнения с эспандером... В общем, покойный профессор здорово мешал сразу четырем главным сотрудникам клиники. Уж не прикончили ли они его сообща, сговорившись за очередной бутылочкой коньяка?

Во всяком случае, Кропотов почувствовал некоторое облегчение: принципиальный облик профессора Курлова ну никак не вязался с версией подполковника Зурова о махинациях с наркотиками. Другое дело, что эту версию мог подбросить убийца. Не поскупился он и на две тысячи долларов. Впрочем, если делить на четверых, то выходило не так уж и много.

Глава шестая

Борис вышел в коридор и огляделся. Кабинеты всех четырех подозреваемых располагались тут же, в административном отсеке. Других здесь попросту не было. Любой из четверки мог войти к Курлову и без помех совершить убийство.

Однако опрос обитателей этих кабинетов не дал практически ничего нового. Эффектная Лунева вела себя вызывающе, хмурый Сурков вообще отказался говорить, заявив, что уже все рассказал подполковнику Зурову. Тощий Берендин, похоже,

успел здорово «принять на грудь» и настойчиво предлагал выпить Кропотову. В общем, толку от них было немного. И все-таки кто-то из этих людей отправил на тот свет своего начальника — в этом Борис был уверен.

Он снова заглянул в кабинет Курлова. Зубр отдавал какие-то распоряжения по телефону, остальные члены оперативно-следственной бригады занимались кто чем. Судмедэксперт Юрий Рыжиков рассматривал зарубежные медицинские журналы. Криминалист Максим Калугин зачем-то снимал отпечатки пальцев с подоконника...

Кропотов подошел к столу. «Странно, — подумал он, — кофейник почти полон, профессор успел налить не больше половины своей чашечки. А молочник почему-то пуст, хотя в него входит никак не меньше четверти литра».

Борис заглянул в чашечку. Сомнений не осталось: Курлов не доливал туда молоко, просто не успел. На дне чашки засохла кофейная гуща. Может быть, молочник был опрокинут в борьбе? Нет, нигде нет никаких следов молока. Выпил убийца? Ну, это уже сущий бред...

И почему халат профессора валялся на полу?

С такими мыслями Кропотов попрощался со всеми и направился к выходу. Поджидая лифт, он заметил на лестнице старуху-уборщицу. Она громко жаловалась самой себе:

— Двадцать лет тут работаю, а такого со мной не случилось. Да я отродясь не разводила ни сырости, ни грязи. Меня Иван Иванович всегда в пример ставил. Вот, говорил, как нужно работать, царство ему небесное... А тут, видите ли, я халатик кому-то испачкала! Сами грязнули, начальники хреновы...

Чем-то уборщица напомнила Борису его бабушку... Старуха продолжала бубнить, но тут подошел лифт, и Кропотов, занятый своими мыслями, позабыл о ней. Сейчас его мучила загадочная пропажа молока со стола Курлова. Именно здесь, чувствовал он, и кроется ключ к решению задачи с четырьмя неизвестными.

Изрядно проголодавшись, Борис завернул домой. Карина уже приготовила что-то вкусненькое — из духовки распространялся ароматный запах. Тогда, в 93-м, то есть два десятка лет назад, они еще не были женаты, и юная девушка только что приехала к нему в гости из своей деревни. Быстро она освоилась с обязанностями хозяйки! «Ни за что муж не уйдет от жены, которая хорошо готовит», — вспомнил Кропотов изречение своей мудрой бабушки. Впрочем, у деревенской девушки была масса других достоинств, и, в очередной раз любуясь ее фигуркой, Кропотов подумал, что до Карины далеко даже роскошной Луневой.

Уплетая обед, Борис рассказывал подруге об

убийстве профессора Курлова. Карина расстроилась до слез, она так и не успела связать для Ивана Ивановича теплые носки из козьего пуха — в благодарность за спасение жениха.

Однако девушка внезапно встрепенулась.

— Слушай, Боря, тут чувствуется женская рука, — тряхнула каштановыми локонами Карина. — Среди твоих подозреваемых нет бабы?

— Есть... Как ты догадалась? — опешил Кропотов, ведь он успел лишь описать место преступления.

— Мужик вряд ли знаком с такими хитростями, да и дело это тонкое. Молоко, к твоему сведению, обладает очень интересными свойствами. Вот у нас в деревне была корова. Чего мы только не делали из молока! Дед во времена Горбачева, когда дрожжей не было, даже самогон научился из молока гнать — брагу сквашивал. А холодное молоко обладает еще одним свойством...

И Карина вкратце описала картину преступления.

— Эх, Каринка! — схватился за голову Кропотов. — Если бы хоть какой-нибудь свидетель...

— Постой! — осенило Бориса. — Есть и свидетель!

Он вспомнил ворчливую старуху-уборщицу...

Глава седьмая

Карина угодила в точку: главврача задушила красавица Лунева. С подачи Кропотова, следствие восстановило ход событий. Наркотические препараты оказались ни при чем, не было и «заговора четырех».

Без пятнадцати час Лунева отправилась в кабинет Курлова, чтобы тет-а-тет вручить патрону взятку в обмен на необходимую ей рекомендацию. Курлов с гневом отказался, поклявшись ославить ее и с позором выгнать из клиники. Обезумев от страха и ярости, Лунева бросилась на престарелого главврача и задушила его, но на ее белом халате осталась неоспоримая улика...

А уликой было кофейное пятно — профессор как раз налил себе полчашечки вожделенного пойла, когда убийца бросилась на него. Во время короткой борьбы кофе выплеснулся ей на халат.

Первой мыслью убийцы было поменять свой испачканный халат на халат самого Курлова, висевший в углу на вешалке. Однако Лунева обнаружила на его лацкане вышитые инициалы и фамилию главврача. Она в досаде и швырнула халат на пол.

Лихорадочный взгляд Луневой упал на молочник. Ей, как и Карине, было прекрасно известно, что холодное молоко моментально

выводит кофейные и шоколадные пятна. Скинув свой халатик, она промыла его молоком над раковиной, обдала раковину водой и, снова напялив халат, выскользнула из кабинета убитого главврача.

Будучи главным анестезиологом, Лунева была прекрасно осведомлена о запасах в клинике наркотических препаратов и потому оставила на столе свои деньги. И, как показали дальнейшие события, на какое-то время ей удалось заставить следствие принять за основу версию о махинациях с наркотиками.

Но невезение преследовало убийцу: в коридоре она столкнулась с Микиткиным. Он, как обычно, принялся распускать руки. И сразу нащупал влажное пятно на ее упругой груди. Мелочь вроде бы... Но Лунева, будучи в нервном состоянии, вместо того чтобы просто отмахнуться от дурацкого вопроса — ты что, мол, такая мокрая? — стала спешно изобретать какую-то несусветную чушь. Дескать, ее окатила стружкой воды уборщица, мывшая лестничную клетку этажом выше. И Микиткин, не подозревая, что тем самым погубит свою (и не только свою) любовницу, решил по-начальственному отчитать старуху за неаккуратность.

Вскоре разнеслась весть об убийстве Ивана Ивановича, и Микиткин забыл про инцидент с уборщицей. Но Кропотов, выслушав версию

Карины, тут же вновь кинулся в клинику, нашел старуху, все выспросил и вновь оказался в кабинете заместителя главврача по лечебной части. Юному оперу повезло еще и в том, что подполковник Зуров, следователь Утехин и кое-кто из оперативно-следственной группы до сих пор находились в клинике, перепроверяя сведения, которые по тем или иным причинам не укладывались в общую картину.

— Вы делали нагоняй уборщице сегодня в обед — за то, что она якобы окатила врача Луневу водой с верхнего этажа лестницы? — буквально набросился Кропотов на дородного зама главврача по лечебной части.

— Ну да, — пожал плечами Микиткин.

— Подпишите официальные показания на этот счет?

— Да что за важность, в конце-то концов?

Ответ на этот свой вопрос зам главврача получил, когда «шикарную бабенку» Луневу на основании его показаний и показаний уборщицы задержали по подозрению в умышленном убийстве профессора Курлова, совершенном из корыстных побуждений. Впоследствии экспертиза подтвердила, что на халате главного анестезиолога остались микроскопические частицы кофе и молока, совпадавшие по биохимическим данным с теми, что были в чашке и молочнике Ивана

Ивановича Курлова.

Убийцу увезли в изолятор, и Кропотову почему-то было жалко смотреть на размазывавшую слезы и косметику Луневу, аж до смертной тоски жалко. Хотя уж кому-кому, а ему-то страсть как хотелось справедливой кары для убийцы профессора, ставшего ему, по сути, вторым отцом...

Потом, спустя месяцы, Борис узнал из разговоров, что главным врачом престижного Института клинических исследований стал, как и ожидалось, Микиткин. Он тут же, вместе с Сурковым, развернул в стенах клиники бурную коммерческую деятельность, и общедоступное лечебное учреждение превратилось в заведение для богатых. Микиткин построил себе шикарный загородный дом и ушел на покой.

На посту главврача его сменил Берендин. К тому времени он без помех защитил докторскую диссертацию по кардиологии, скомпилированную из различных зарубежных статей. Правда, после банкета по поводу присуждения высокой ученой степени Берендина уже не часто видели трезвым...

Но все это было потом, а в тот день, когда Кропотов, захлебываясь от возбуждения, описывал хмурому подполковнику Зурову молочно-кофейную картину убийства, лейтенант и представить себе не мог, что судьба его дала

очередной, причем весьма нетривиальный крен.

Когда Лунева под конвоем отправилась в изолятор временного содержания при ГУВД Москвы, Зубр некоторое время задумчиво расхаживал по кабинету Курлова, теребя нос... Потом остановился, в упор посмотрел на Кропотова:

— А не попить ли нам пивка, лейтенант? Тут у вас поблизости какая-нибудь стоячка найдется?

— Как не найтись, товарищ подполковник! — с готовностью отрапортовал Борис. — Только ведь я на работе...

— А я, по-твоему, у тещи на блинах? — скривился Зуров. — Кстати, мы идем именно работать, а не просто пиво пить. А насчет твоих опасений — не дрейфь, я беру все на себя.

К ним присоединился и бородатый, мрачный на вид судмедэксперт Юрий Рыжиков. Труп профессора Курлова увезли в судебный лефортовский морг, и Юрий Сергеевич мог передохнуть.

Глава восьмая

Они, стоя за облупленным круглым столиком, отхлебывали холодное пиво, Зубр то и дело подсаливал «губу» классической граненой кружки. Солонка тоже, кстати говоря, была весьма

традиционной для подобных заведений: крупную, сероватую соль насыпали в пустую пивную банку со срезанным верхом и отогнутыми розочкой лепестками жести.

— Обожаю такие вот павильоны, где собирается народ без комплексов, — с важным видом изрек подполковник, оглядывая публику, которую никак нельзя было назвать почтенной. — Жаль, мало таких пивняков в столице осталось... А ведь в них прошла наша с тобой юность, верно, Серега?

Доктор Рыжиков машинально кивнул. Видно было, что он не особенно прислушивается к речам Олега Зурова, погружившись в свои думки.

Зуров поглядывал на Бориса.

— А ты, парень, сечешь, — сказал он одобрительно. — Из тебя, похоже, выйдет толк.

«Вот опять!» — усмехнулся про себя Кропотов, вновь услышав фразу, преследовавшую его всю сознательную жизнь.

— Ты, брат, прирожденный сыскарь, — поджал губы Зубр.

— При чем тут я-то? — Борис даже поперхнулся пивом. — Это подруга моя, Карина, все моментально расставила по полочкам...

— Сразу видно, что ты новичок, — назидательно сказал подполковник, а доктор Рыжиков, жуя перышко воблы, подтвердил это

суждение кивком. — Оперативник, к твоему сведению, для достижения конечного результата задействует всех имеющихся под рукой людей, запрягает их и нещадно эксплуатирует, выжимая информацию. Именно это ты и сделал, подключив к делу своего информатора по части женских хитростей — подружку Карину. Надеюсь, стоящая девушка?

Последний вопрос Зуров задал настолько по-хозяйски, что Кропотов вздрогнул: ему показалось, что подполковник собирается вербовать его невесту в качестве осведомителя или еще какого-нибудь секретного агента.

Зубр заметил испуг, мелькнувший в глазах лейтенанта, и усмехнулся.

— Это я так, к слову...

Зуров отхлебнул из кружки.

— А недурственное тут пиво, даже удивительно. Хорошо идет... Ну-с, а теперь логически завершим цепь вышеначатых умозаключений. Дело раскрыла не Карина, и даже не ты. Кто же, спросишь?

Борис промолчал, зато Рыжиков не удержался от реплики:

— Конечно, ты, Олег, это же яснее ясного.

Зуров уничтожающим взором смерил судмедэксперта, снова повернулся к лейтенанту.

— Дело раскрыл я, подполковник Олег Зуров.

Глумливый эскулап, — Зубр кивнул в сторону Рыжикова, — абсолютно прав. Потому что ты, в свою очередь, был моим источником информации — наряду с Микиткиным, Сурковым, Берендиным... Ты же официально не входил в оперативно-следственную бригаду, а приперся в клинику только потому, что тебе был дорог покойный профессор, ты хорошо знал его. То есть ты, Борис Кропотов, — обычный свидетель.

Борис разинул рот, глядя поочередно то на широко улыбающегося Зубра, то на серьезного, невозмутимого Рыжикова.

— Ладно, не переживай, пинкертон, — похлопал его по плечу Зуров. — К твоему сведению, я уже до того, как ты, высунув язык и вытарашив глаза, вторично заявился в клинику со своей ошеломляющей версией — так вот, к тому времени я уже прекрасно знал, что главврача Курлова задушила анестезиолог Лунева. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять: это импульсивное, эмоциональное убийство. Преступник действовал спонтанно, чисто по-женски. Трудно представить, чтобы Микиткин, Сурков или Берендин вдруг настолько вышли из себя в разговоре с шефом, что кинулись его душить. Да, он здорово мешал им всем, но ни у одного из них не было экстренной необходимости убивать профессора. Берендин вполне мог потерпеть с

диссертацией, это ведь дело не одного дня. Сурков тоже имел достаточный запас времени, чтобы исподволь готовить коммерциализацию ряда процедур, искать союзников в горздраве, городской Думе... А Микиткин — вообще человек иной житейской философии. Это жуир, гурман и весельчак. Стать главврачом вовсе не было для него жизненной доминантой.

Зуров вновь отпил пива, неспешно посыпал солью «губу» кружки и продолжил, явно красуясь собой:

— Иное дело — Лунева. Она всего в жизни добивалась с помощью внешних данных и не слишком тяжелого поведения. Но, похоже, ее нынешнее служебное положение — это вершина, тот максимум, которого она могла достичь. А годики идут... Ей ведь уже сорок два — да-да, не удивляйся, это действительно так! И вдруг — последний шанс прорваться на качественно более высокий уровень жизни — австралийский контракт, устроенный кем-то там в Минздраве. Лунева понимает: это ее, так сказать, бабье лето. Но без рекомендации по месту работы, без характеристики, подписанной Курловым, даже министр ничем помочь не может! Вот в чем трагедия! А время не ждет. Последний, крайний срок предоставления документов австралийской стороне — послезавтра! Вопрос надо решить

срочно и во что бы то ни стало. Остальное известно.

Зуров допил пиво, вытер губы носовым платком.

— И еще кое-что. До того, как ты схватился за вентили водопроводного крана, с них уже снял отпечатки пальцев наш эксперт Калугин. Как ты догадываешься, это были маленькие, аккуратненькие женские пальчики.

Кропотов подавленно молчал. А он-то возомнил, что самостоятельно, в одиночку (то есть с помощью разве что Карины) раскрыл это хитроумное убийство, походя развалив версию гениального подполковника Зурова! Но — Зубр есть Зубр, а он, Борис Кропотов, всегда будет заурядным районным оперативником... Тридцатилетнему лейтенанту было по-настоящему стыдно за свои недавние амбиции.

— Ну так как, Борис, пойдешь работать к нам в МУР, в отдел убийств? — безо всякого перехода брякнул Зубр, будто выстрелил. — Понимаю, ездить на работу подольше придется, да ведь ты вроде не старик...

— И еще, парень, имей в виду, — вмешался судмедэксперт Рыжиков, — забудь о таком понятии, как нормированный рабочий день, а также выходные. Это я тебя предупреждаю, в плане того, чтоб ты подумал, обзаводиться ли семьей? Мы-то с Олегом — два одиноких волка...

— Зато звание повысим быстро, ну — где-нибудь через полгода, — обнадежил Зубр. — Будешь старлеем. Со всеми вытекающими. То бишь прибавкой к зарплате. Давно, брат, пора, у тебя уж седина кой-где пробивается!

Борис никак не мог прийти в себя от всего услышанного, он с трудом воспринимал перекрестные потоки информации.

— Я согласен, — просто сказал он. — Улаживайте вопрос с моим начальством.

— Слушай, а он мне нравится, — покачал головой Рыжиков. — Умеет принимать быстрые решения, к тому же — оптимальные. Это, Олег, признак настоящего оперативника.

Счастливый и слегка захмелевший Кропотов вдруг ляпнул:

— Товарищ подполковник! Разрешите обратиться?

Зубр важно кивнул.

— Это правда, что когда-то вы в одиночку повязали всю банду Топилы?

За столиком почему-то повисло тягостное молчание. Рыжиков подхватил Бориса под руку и повел его к стойке со словами: «Давай-ка, сынок, сходим взять еще по кружечке».

Пока девушка наливала им пиво, Рыжиков тихо сказал Кропотову:

— Да, это правда. Зуров действительно в

одиночку задержал и доставил в отделение банду Топилы, а она, брат, года три назад наводила ужас на всю Москву. Только, прошу тебя, Крот, не говори об этом в присутствии Зубра.

— Это почему же?

— Да уж потому... Для него эти воспоминания, выражаясь медицинским языком, весьма болезненны.

Потом Борис узнал, что для Зурова воспоминания о давнишней схватке с бандой Топилы были неприятны по одной простой причине: они переносили подполковника в период второго (после убийства им своей первой жены Валентины) жениховства. Той летней ночью 1989-го Олег Зуров сидел на лавочке у главного фонтана ВДНХ с девушкой Тоней, которая была моложе его на девять лет (пролезли на территорию выставки сквозь дыру в заборе). Старлей трепался о своих подвигах, а юное создание заворуженно внимало его рассказам.

Так Олег Зуров «реанимировался» после развода с первой женой, Валентиной....

Вдруг мимо них четверо пьяных парней протащили двух плачущих и слабо отбивающихся девчушек. Олег вскочил со скамейки и окликнул их, довольно мягко:

— Эй, мужики, это не дело! Надо бы по согласию...

Парни от такой наглости обалдело остановились, и обе жертвы, не сговариваясь, выскользнули из клешней насильников да и умчались к выходу. Теперь отморозки плотной стенкой надвигались на Зурова. Тот недолго думая выхватил табельный пистолет и выстрелил в воздух со словами:

— Всем стоять, милиция!

Один сунул было руку в карман, и Олег мгновенно прострелил ему правое плечо. И тут же определил главаря и выстрелил ему в лодыжку. Оба повалились на асфальт, а остальные утратили волю к сопротивлению и подняли руки вверх. На выстрелы уже спешил милицейский патруль...

В отделении, куда все были доставлены, выяснилось, что тот, кому Зуров прострелил ногу, — не кто иной, как сам Топила, а трое других — его ближайшие дружки-подельники. В то время все было как-то проще: если бандиты попадали в милицию, то неизбежно садились в тюрьму, да еще и сдавали всех своих. Разговор с ними был довольно короткий, и не сказать чтобы вежливый. Недаром стены в отделениях милиции красили в коричневый цвет — то есть цвет засохшей крови... В общем, в ближайшие дни милиция «повязала» и других членов банды.

Но народная, то бишь милицейская (да и воровская), молва стала приписывать Зурову

задержание чуть ли не пятнадцати человек одним махом, да еще и с перестрелкой, в боевых условиях... В награду Олег получил внеочередное звание капитана и... кое-что еще.

Именно той ночью девушка Тоня дала свое согласие стать женой Олега Зурова. Поэтому Зубр и нахмурился, вспомнив о злосчастной свадьбе, о несложившейся семейной жизни. Уже второй раз кряду несложившейся, между прочим!

Но, как бы то ни было, с легкой руки доктора Рыжикова Борис в той пивнушке впервые стал именоваться Кротом. По наивности своей Кропотов счел новую кликуху весьма почетной — дескать, подразумевается, что он нещадно роет землю, и земля эта огнем горит под ногами у всякой нечисти. И Борис был вполне доволен своим новым именем. Оно как бы подчеркивало, что он действует в тандеме с самим подполковником Зуровым! Лихие напарники Зубр и Крот достанут преступника и на земле, и под землей!

Лишь потом он узнал, что «кротами» называют засланных казачков, которые, будучи при погонах, сливают преступникам информацию о расследовании... Стало обидно, конечно, но лишь на минутку — Борис уже свыкся со своим муровским погонялом, к тому же и другие оперативники звали его так безо всякой задней мысли.

И еще самолюбию Бориса льстило то обстоятельство, что он был один из немногих, кому Зубр позволял обращаться к себе на «ты», — хотя, по совести говоря, он лишь на пару лет был старше Крота и вполне мог бы не обставлять свое дозволение «тыкать» как некую милость... Они пили брудершафт на свадьбе Бориса и Карины, куда Кропотов пригласил весь отдел. И на глазах у всех захмелевший Зубр громогласно объявил тост: мол, этот парень заслуживает того, чтобы общаться на «ты» с великим Зуровым. А ведь к тому времени Крот проработал в отделе убийств МУРа всего-то пару месяцев...

Вскоре после свадьбы Борис узнал о смерти бабушки — она в последнее время была так плоха, что не могла присутствовать на торжестве, которого ждала всю свою жизнь.

Крот много рассказывал Карине о старушке. И когда он сидел, понурясь, над письмом дальней родственницы из Георгиевска, новоиспеченная жена утешала его: «Не грусти, Боря, твоя бабушка передала тебя мне. По наследству. И, между прочим, в хорошие руки передала, вот увидишь!»

...Обо всем этом Крот вспоминал в промозглый ноябрьский день, который когда-то давно был общесоюзным праздником. Вот уже два десятка лет он служит в МУРе — практически под началом подполковника Зурова. Стал наконец-то

майором. И все еще, как говорится, «подает надежды»...

А ведь давно уж пора подумать о пенсии. Ведь полтинник с гаком намедни стукнуло! Сам не подумаешь — за тебя решат другие.

Так, может, надо скрепя сердце взять да и сделать первый шаг?..

Глава девятая

Тридцатисемилетняя Елена Храпова никогда не изменяла мужу — ни до свадьбы, ни после. Они жили вместе уже восемнадцать лет, на столько же Тимур был старше ее — короче, прекрасное соотношение возрастов и семейного стажа.

Белокурая Елена была спокойной, тихой женщиной, жила своей малопонятной жизнью. И ей нравился каждый прожитый день. Она искренне считала, что любит своего мужа — такого занятого, крупного человека, известного в обществе.

Где-то в начале 91-го Лена впервые появилась в редакции небольшой, но зубастой газеты, ниспровергавшей устои социализма. И с головой окунулась в журналистику и околожурналистскую тусовку. Тимур Храпов казался ей небожителем. Будучи главным редактором, он вступал в бой с циклопами коммунистического режима. И безжалостно поражал их в голову, как Георгий

Победоносец.

Елена знала, конечно, что их газета, названная, как одно из первых петровских изданий, обильно финансируется нарождавшейся буржуазией, и сама по себе убыточна. Понимал это и Тимур Петрович. Умные люди говорили ему: «Тимур, сейчас ты нужен, тебе дают деньги, а когда власть сменится и цели будут достигнуты, ты не получишь от победителей ни копейки». И Храпов (мужик нахрапистый) создал при газете дочернее книжное издательство, оснастил свое детище импортным оборудованием, стал переводить на его счета львиную долю выделяемого «хозяевами» бюджета. «Хозяевам» это было понятно: Храпов, дескать, хочет хоть как-то покрыть убытки от выпуска газеты, получать основную прибыль от издательства.

После 1991 года, как и ожидалось, газету пришлось прикрыть: в ней больше ни у кого не было надобности — ни у политиков, ни у капиталистов, ни у «массового» читателя. «Тимур сделал свое дело, Тимур может уходить», — злорадно шутили в кулуарах власти.

И тут выяснилось, что Тимур Петрович является не кем иным, как единоличным владельцем дочернего издательства — уже, кстати, прочно занявшего свою нишу на полиграфическом рынке. Храпов печатал научную литературу,

словари, туристические, финансовые и юридические справочники. Все это имело хороший сбыт, Тимур Петрович стремительно богател, открывал филиалы, скупал пакеты акций целлюлозно-бумажных предприятий, и потихоньку в обществе заговорили об «империи Храпова».

По привычке, скорее даже — по инерции, к нему все еще относились как к политической фигуре, традиционно приглашали на правительственные и думские тусовки, интересовались мнением по глобальным вопросам... Все эти бесконечные рауты и приемы подпитывали чувство восхищения мужем со стороны Елены. В ее глазах он оставался все тем же Тимуром — борцом за изничтожение рабской психологии забитого народа, за экономическую и духовную независимость Родины, за веру, царя и Отечество.

Детей у Храповых не было; врачи установили, что «вина» лежит на Елене. Но Тимура Петровича бесчадие, казалось, нисколько не волновало, и он никогда не упрекал жену в их общей беде.

«Продвинутый» молодой врач порекомендовал Елене новомодный моцион для лечения бесплодия: прогулки верхом. И она исправно таскалась в Битцевский конно-спортивный комплекс, где приглядела себе лошадку гнедой породы по кличке Сестренка.

Тихое животное и супруга миллионера подружились, и частенько Елена, вместо того чтобы оседлать кобылку, шла с нею рядом, держа Сестренку в поводу. Доверительно, на ухо, рассказывала свои тайны, а добрая лошадь прядала гривой, словно поддакивая женщине...

— Ах ты, моя всадница ненаглядная, — говорил, бывало, Храпов и прибавлял шутливо: — Всадница без головы!

А еще... Елена тайком от мужа стала ходить в церковь. И не только за тем, чтоб испрашивать у Господа благословения на рождение ребенка, но и потому, что считала регулярное посещение храма своей особой ролью в их семейной жизни. После свадьбы Елена оставила работу, но продолжала сопереживать мужу в его деятельности. Она думала, по наивности своей, что Тимурю просто некогда ходить в храм, он своими делами служит Богу и Церкви. А она... Она будет возносить молитвы и от своего, и от его имени, станет семейной предстательницей перед Спасителем.

Храпов полагал, что его женушка, «белокурая газель», как он ее называл, тратит выделяемые ей суммы на какие-нибудь бабские глупости, а на самом деле Елена жертвовала деньги полюбившемуся ей храму Новомучеников и Исповедников Российских в Старом Бутове. Эта бревенчатая церквушка посреди дубравы, за

кольцевой автодорогой, была дорога Елене до слез. Срубили ее в 1996 году, и Храпова была одним из тайных спонсоров строительства. Первая служба состоялась 16 июня, в день памяти Всех святых, в Земле Российской Просиявших — а ведь этот праздник совпал с днем рождения Елены! Конечно, она чисто по-женски восприняла это обстоятельство как знамение свыше и дала слово навсегда связать свою судьбу с этим скромным, таким благодатным храмом, где пахло сосной и ладаном, а настоятелем служил отец Глеб — бывший геолог, культурный, интеллигентный человек...

Сегодня, 7 ноября, Елена отправилась в Бутово спозаранку, сначала до метро «Южная», там села на автобус, доехала до высокого железного креста, высящегося на пятом километре Старой Варшавки... И пошла пешком через промозглый, заиндевелый лес, кутаясь в шерстяную косынку...

В руке у Елены был большой полиэтиленовый пакет с тщательно завернутой иконой Илии Пророка — очередной ее дар маленькой церкви. И дар, как ей казалось, символический: что-то грозное и вместе с тем всепонимающее было в этом седобородом старце, вззирающем со своей огненной колесницы на бури и революции, предсказывающем новые неизбежные потрясения и пророчествующем о спасении верных...